

На правах рукописи

Рыжова Наталья Петровна

**ЭФФЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
(на примере России и Китая)**

08.00.05 – Экономика и управление
народным хозяйством (Региональная экономика)

08.00.14 – Мировая экономика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Хабаровск 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки **Институте экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИЭИ ДВО РАН)**

Научный консультант

доктор экономических наук, академик РАН
МИНАКИР Павел Александрович,

Официальные оппоненты

Глинкина Светлана Павловна,
доктор экономических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт экономики РАН,
заместитель директора по научной работе

Михеева Надежда Николаевна,
доктор экономических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Совет по изучению производительных сил»,
заместитель председателя по научной работе

Черная Ирина Петровна,
доктор экономических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса»,
проректор по учебной и воспитательной работе

Ведущая организация

**Институт экономики
Карельского научного центра РАН**

Защита состоится «23» октября 2013 года в 9.30 часов на заседании диссертационного совета Д 005.014.01 в Институте экономических исследований Дальневосточного отделения РАН по адресу: 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИЭИ ДВО РАН.

Автореферат разослан «04» сентября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор экономических наук

С.Н. Найден

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Несмотря на то, что дискуссии по поводу каналов положительного влияния, механизмов формирования и распределения эффектов международной экономической интеграции продолжаются, теоретически и эмпирически доказана целесообразность и даже безальтернативность участия стран в международном разделении труда. Страны, которые устанавливают высокие барьеры на пути трансграничных экономических обменов, имеют депрессивные окраины с непрекращающимся оттоком трудовых и капитальных ресурсов с периферии в центры. Напротив, страны, снижающие барьеры, демонстрируют обратные эффекты, когда экономическая активность постепенно перетекает к границам государств и таким образом решаются задачи выравнивания диспропорций регионального экономического развития.

Россия, начавшая в 1990-х гг. институциональные трансформации в рамках либеральной парадигмы, также как и другие переходные страны провела реформу внешней открытости. Если судить по объемам ее внешней торговли, к концу 2000-х гг. Россия имела открытую экономику, но отдельные ее регионы оставались скорее закрытыми. Особенно заметна данная проблема для случая внешней торговли России с Китаем: объемы торговли ежегодно и планомерно растут, но масштабы участия в торговле приграничных регионов снижаются; социально-экономические показатели этих регионов подчеркивают их периферийное положение, как в странах с закрытыми экономиками. Объяснение причин такого противоречия может иметь ценность для развития теории пространственной экономики, а также практическую значимость – для формирования подходов к решению проблем пространственной дифференциации.

Барьеры на пути экономических обменов традиционно приводят к неформальным способам их преодоления. Эта проблема характерна для российско-китайских трансграничных экономических обменов, о чем свидетельствуют, например, проблемы «серого импорта» или «неформального привлечения труда мигрантов». Основными способами преодоления проблем распространения неформальных экономических обменов, реализуемыми в России, является повышение барьеров (введение новых правил и усиление контроля их применения). Задача понимания механизмов формирования неформальных трансграничных экономических обменов актуальна не только для России. Ее решение может внести вклад в развитие теорий международной экономической интеграции и неформальной экономики, сближение которых началось недавно, несмотря на наличие общего исследовательского поля.

Мировая наука предлагает объяснения того, почему открытость не всегда позитивно сказывается на приграничных регионах, да и в целом на странах, осуществляющих либерализацию внешнеэкономической деятельности. Также известны работы, фиксирующие феномен неформальной составляющей во внешнеэкономических обменах. Эти исследования утверждают, что важнейшей причиной «отклоняющегося» поведения является качество рыночных и политических институтов. Проведенные масштабные институциональные трансфор-

мации в России и Китае, которые традиционно ассоциируются с низким качеством институтов, могли бы объяснить отсутствие положительных эффектов интеграции в приграничных регионах, если бы не удовлетворительная результативность «приграничного пояса открытости» Китая. Следовательно, на роль объясняющих факторов претендуют не сами по себе институты или институциональные трансформации, а подходы к их проведению, выбираемые стратегии и инструменты. Несмотря на очевидность этого вывода, сравнительная оценка стратегии и подходов к реформированию открытости в приграничных регионах в России и Китае до настоящего времени не проведена; выполнение такой оценки может являться интересным для дальнейшего аккумулирования знаний в рамках теории переходных экономик.

Таким образом, исследование и объяснение влияния барьерной функции границы на пространственное распределение экономической активности и механизмы формирования неформальных экономических обменов в рамках международной интеграции приграничных регионов теоретически актуально и практически значимо. Практическую значимость подчеркивают заявляемые центральными руководствами изучаемых стран задачи увеличения масштабов взаимной торговли и необходимости реализации крупных совместных инвестиционных проектов, ведь рост масштабов трансграничных экономических обменов подразумевает и увеличение масштабов неформальной составляющей.

Степень разработанности проблемы. Экономическая теория международной интеграции и торговли широко представлена в зарубежной и отечественной литературе. Идеи, заложенные в классических работах Дж. Винера и Б. Баласса эволюционировали в три генеральных направления (по Р. Болдвину и А. Венэйблсу): о влиянии интеграционных союзов на распределение эффектов торговли (Р. Липси, М. Кемп, Х. Дж. Ван, В. Айзер и Х. Хорн, А. К. Диксит и Дж. Стиглиц, П. Кругман и Э. Хелпман); о динамических эффектах накопления факторов производства в результате интеграции и их влиянии на экономический рост (Дж. Сакс и А. Уорнер, Ф. Родригес и Д. Родрик, А. Венэйблс, И. Сполаоре и Р. Вацярг); и об эффектах размещения экономической активности в результате интеграции (П. Кругман, Дж. Элизондо, М. Фуджита, А. Венэйблс, Г. Хансон). Только в третьем из этих направлений в исследовательский фокус попадает субнациональное пространство, а с ним и особые ограничения и эффекты приграничных рынков; которые пока весьма слабо рассмотрены на российских эмпирических данных.

На экономические особенности приграничных регионов обратили внимание еще первые «классические» экономические географы (В. Кристаллер, А. Лёш, Х. Гирш). Тема развивалась в работах, выполненных в рамках разных теоретических направлений (Х. Ван Хотум, Н. Хансен, И. Хувер, Р. Гуо, Б. Вомак). Получила современное развитие в русле пространственной экономики и новой экономической географии (П. Кругман, Дж. Элизондо, Г. Хансон, С. Риддинг, Д. Штурм, С. Бракман, Х. Гарретсен, М. Скармм, Л. Ресмини, А. Нейбур, А. Виллар, Ф. Баржак, Г. Хеймпольд). Проблема так называемого «эффекта границ» (барьера на пути экономических обменов), являющаяся одной из ключе-

вых для данной работы, поставлена в работах А. Лёша, формализована в исследованиях Дж. Мак Калума, а также К. Энгеля и Дж. Рожерса. Вклад в ее развитие внесли Дж. Андерсон и И. ван Винкуп, Д. Парсли и Ш.-Дж. Вей, Я. Городниченко и Л. Цесар и другие. Эффект границ количественно оценивался и на российских данных (Н. Волчкова, О. Бабецкая-Кухарчук и М. Морель), однако реализованная в диссертационной работе стратегия, основанная на тестировании выполнения закона единой цены на российских данных применялась в отношении оценки внутренней (К. Глущенко, Д. Дейонг, П. Берковитц), но не внешней интеграции.

Различные аспекты международной экономической интеграции рассматривались в работах зарубежных (Д. Пенга, М. Спиндлера, С. Ураты) и отечественных ученых (О. Богомолова, Е. Винокурова, Р. Евстигнеева, А. Либмана, П. Минакира, Б. Хейфеца). Особый акцент на экономической интеграции именно приграничных регионов России сделан в работах М. Александровой, Л. Вардомского, Н. Межевича, Е. Самбуровой, И. Черной, М. Шинковского.

Несмотря на довольно значительно развитие теории международной экономической интеграции, на наличие подходов, предлагающих ответы на вопросы об особенностях приграничной интеграции, проблема неформальных экономических обменов в этом контексте уделялось незначительное внимание. Развитие неформальной экономики в контексте процесса глобализации и международной торговли представлено в работах С. Глинкиной, А. Гоша, С. Динга, К. Атакана; эмпирические свидетельства о существовании неформальных аспектов международной экономической интеграции в приграничных регионах разных стран мира представлены в работах Дж. Макамо, К. Акелло-Агугу, П. Эчесса, И. Миндэ, С. Пеберди, М. Чакраборти, В. Ауна, С. Чаудхари, В. Жао, С. Барух, Р. Даш, Ч. Гатманн и др. Сложности изучения проблемы, в том числе непонимание механизма ее формирования при острейшей неполноте статистических данных, способствовали тому, что в исследованиях неформальной приграничной интеграции во всем мире преобладает феноменологический по философским основаниям и антропологический по методам подход, то есть беспредпосылочное описание, фиксация феномена как «уходящей природы». Не случайно и неформальная интеграция приграничных регионов России и Китая в литературе зафиксирована преимущественно усилиями историков, востоковедов и антропологов, либо исследователями других наук, выбирающими подобный подход (М. Александрова, В. Гельбрас, В. Дятлов, Т. Журавская, Ж. Зайончковская, А. Ивасита, Т. Нырова, С. Отсу, Т. Холцленер, Н. Шармашкеева). Первые работы автора по этой теме также были выполнены в феноменологической парадигме.

Неформальные экономические обмены в процессе международной интеграции России не имеют исключительно «китайской» специфики; отдельные вопросы («челночные практики», «серая таможенная очистка», «открытые рынки (базары)») рассматривались в работах С. Барсуковой, А. Болонини, В. Голиковой, Р. Заватта, М. Ильиной, В. Ильина, Н. Капраловой, Т. Мельниченко, В. Радаева, К. Хамфри, А. Яковлева. «Серая таможенная очистка», «народная

торговля», «нелегальная трудовая миграция» и прочие проявления неформальной интеграции рассматривались в работах китайских ученых Ли Хуа, Сунь Хуэйцзюнь, Лю Хуйли, Сун Куй, Цзян Вэньхуй, Ян Су. Также в работах китайских ученых представлены оценки результатов открытости приграничных регионов (Пань Цюаньфу, Ма Янцзы, Ю Чжэньхан, Цзэн Яндо, Чжан Пинью, Ю Гуочжень, Ван Ронфэн, Ли Тао, Ю Гуочжэнь, Жэнь Сеньвэй, Гуаньчжи Чжао).

Таким образом, несмотря на фиксацию проблемы неформальной экономической интеграции приграничных регионов, как в мировой, так и в отечественной научной литературе, ее экономический анализ фактически не проводился. Для формирования методологии и методов ее исследования в работе использовано несколько подходов. Институциональные теории и концепции позволяют объяснять неформальный характер международной интеграции, на который ранее обращали внимание М. Спиндлер, Д. Пенг, среди отечественных ученых А. Либман, Б. Хейфец. В частности, исторический институционализм важен для понимания механизма конструирования институтов, альтернативных тем, что предлагает государство (П. Милгром, Д. Норт, Б. Вейнгагст, А. Грейф). Институциональные теории государства, в т.ч. теория общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон) позволяют анализировать взаимодействия бизнеса с представителями государства при выборе неформальных трансграничных обменов. Работы, методологически основанные на институциональных теориях, и выявляющие влияние институтов на международную интеграцию включают труды С. Байера и Дж. Бергстранда, М. Сциффа и Л. Винтерса, Дж. Андерсона и Д. Маркоуллера, Б. Смарджинска и Ш.-Дж. Вея, Дж. Соусы и А. Дисдьера.

Институциональные особенности интеграции рассматриваются в работе в контексте рыночных трансформаций, поэтому для данного исследования оказались актуальными некоторые работы, рассматривающие теоретические аспекты реформ и последствия реформ для регионального развития, а именно труды Дж. Стиглица, Г. Роланда, Я. Корнаи, а также В. Полтеровича, П. Минакира, В. Полова, Н. Михеевой.

Подходы новой политической экономии и федерализма позволяют акцентировать внимание на взаимоотношении между (де)централизацией и внешней экономической интеграцией, а также выделить стимулы для усиления централизации и ограничения свобод приграничного региона (А. Алезина, М. Даумаль, Э. Сполаоре, Дж. Джосселин, А. Марциано). Это относительно молодое направление перекликается с традиционными политэкономическими подходами к исследованию границ («border-studies»): это труды М. Андерсона, Х. Доннана, О. Мартинеса, В. Прескотта, среди отечественных ученых – работы С. Голунова, В. Колосова, А. Макарычева.

Поведение экономических агентов, предпочитающих неформальные экономические обмены тем, что соответствуют действующим формальным правилам игры и функционирование трансграничных рынков, создаваемых в результате неформальных обменов изучалось в рамках экономсоциологических подходов к пониманию рынка, а именно: институционального подхода (В. Пауэл,

П. Димаджио); сетевого (М. Грановеттер, Х. Уайт); политико-культурного (Н. Флигстин, А. Олейник).

Таким образом, работа развивает теории международной интеграции и торговли, а также пространственной экономики, опираясь как на существующие достижения в этих областях, так и обращаясь к концепциям и методологии новой институциональной теории (в части исторического институционализма и теории общественного выбора); новой политической экономии (в части теории эндогенной децентрализации); теории реформ; экономической социологии (в части подходов к пониманию рынка и концепций неформальной экономики).

Цель исследования заключается в оценке масштабов и эффектов, а также объяснении механизмов неформальных экономических обменов в процессе международной экономической интеграции на региональном (приграничном) уровне с учетом неоднородности национальных институциональных трансформаций.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать подходы к оценке эффектов экономической интеграции для рынков приграничных регионов;
- выполнить оценку эффектов интеграции для приграничных с Китаем регионов России;
- оценить неформальную составляющую в трансграничных экономических обменах России и Китая;
- систематизировать модели интеграции, формирующиеся на национальном и региональном уровне;
- описать и объяснить политэкономические стимулы, ограничения и эффекты реформ открытости в России и Китае применительно к приграничным регионам;
- выполнить пространственный анализ трансграничных экономических обменов между Россией и Китаем;
- сравнить «эффект границ» для национальных и приграничных рынков России и Китая;
- объяснить механизм неформальной экономической интеграции приграничных регионов.

Предметом исследования выступают неформальные виды экономических обменов, возникающие в процессе участия приграничных регионов в международной экономической интеграции.

Объектами исследования в настоящей диссертации выступают приграничные рынки регионов Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР; национальные институты, определяющие государственные границы как барьеры и способы их преодоления для трансграничных экономических обменов; а также агенты интеграционного процесса приграничных регионов (власти, бизнес и население). Особая важность объекта для изучения экономической интеграции связана с недостаточной изученностью предмета как в мире, так и в данном макрорегионе при наличии особых характеристик: гетерогенности (по языку, культуре, истории, религии) и влиянию институциональной динамики. Послед-

няя характеристика делает объект исследования уникальной исследовательской площадкой для понимания процессов интеграции именно переходных экономик.

Методологическая основа исследования. Применялись классические общенаучные методы (анализа и синтеза, абстракции, обобщения, сравнительного анализа), традиционные методы экономической науки (в том числе эконометрический и экономико-статистический анализ). В целом методология работы определяется использованными теоретическими подходами, а именно международной экономической интеграции, пространственной экономики, новой институциональной экономической теории, новой политической экономии, а также экономической социологии. Теоретической моделью для эконометрических расчетов эффекта границ выступил закон единой цены; для оценки агломерационных эффектов, возникающих под воздействием внешнеэкономических факторов, стала модель «центр-периферия» (П. Кругмана). Из-за специфики некоторых задач – в частности, важности понимания механизмов неформальной интеграции – в диссертации использованы социологические методы, в том числе неформализованное и полуструктурированное интервью, включенное наблюдение. Для анализа реформ открытости в приграничных регионах применен метод качественного контент-анализа. Для объяснения механизма легализации экстралегальных трансграничных обменов применен метод графов.

Информационную базу исследования составляют материалы региональных, национальных и международных статистических и государственных служб, а также аналитических центров. В том числе база данных по России включает: официальные данные Федеральной службы государственной статистики за период 1991–2010 гг.; данные Федеральной таможенной службы и территориальных таможенных управлений; аналитические отчеты и данные Банка России; отчеты Федерального казначейства; отчеты Счетной палаты. База данных по Китаю включает официальные данные национальной службы статистики за период 1978–2006 гг., опубликованные на портале Центра китайской статистической информации Университета Мичиган; данные справочников «Деловой Китай». Также были использованы международные базы данных по внешней торговле стран мира, уровню их открытости, уровню экономической свободы, уровню коррупции, в том числе: статистического отдела ООН (база «Торговля товарами» / «Commodity Trade»); Института Фрайзера (база данных по экспертным и количественным оценкам экономических свобод «Economic Freedom of the World»); Всемирного Банка (опросная статистика по барьерам ведения бизнеса «Ease of Doing Business» и по уровню коррупции «Transparency International data»); Центра международных сравнений университета Пенсильвания («Penn World Tables»).

Контент-анализ реформ открытости в приграничных регионах Китая был проведен на материалах сообщений информационных агентств (база данных «NewsBank. Access World News»). Для описания случая неформального трансграничного рынка Благовещенск–Хэйхэ использованы материалы социологических полевых исследований, выполненные автором и под руководством автора.

Обоснованность и достоверность результатов, выносимых на защиту, обеспечивается использованием передовых теорий и концепций, а также современных методик сбора и обработки исходной информации; сопоставлением авторских результатов исследования эффектов российско-китайской приграничной интеграции с результатами, полученными при исследовании других случаев интеграции; а также перекрестной верификацией авторских результатов, полученных различными методами.

Научные результаты исследования состоят в следующем:

1. Обобщены теоретические представления об экономической специфике приграничного региона и определен характер влияния международной экономической интеграции на ожидаемые эффекты от участия в ней для приграничного региона. Обоснованы возможности и ограничения применения моделей новой экономической географии для эмпирической оценки эффектов международной экономической интеграции для приграничного региона. На основании эконометрических оценок показано, что участие России в процессах международной экономической интеграции оказывало слабое влияние на агломерационные эффекты в приграничных регионах; а также, что в 2000-х гг. экономика России развивалась по центростремительному варианту.

2. Предложена расширенная классификация процессов международной экономической интеграции с использованием критериев качества экономических институтов и роли ведущих игроков. Дополнительно к двум общепринятым классам формальной интеграции включены два обобщенных класса неформальной интеграции, в том числе «модель неформальной интеграции с параллельной активностью крупного игрока» и «модель неформальной интеграции с большим количеством игроков». Показано, что случай интеграции России и Китая наилучшим образом описывает модель неформальной интеграции с параллельной активностью крупнейшего игрока.

3. Показано, что развитие неформальных механизмов участия приграничных регионов в международной экономической интеграции в России и Китае связано с процессами экономической централизации, которая рассмотрена для этапов реформ экономической открытости приграничных регионов, выделенных по критерию институциональных изменений.

4. Доказано, что уровень интеграции для приграничных рынков России и Китая выше, чем для национальных рынков, так как негативное влияние издержек преодоления экономическим потоком национальной границы для национальных рынков выше, чем региональных.

5. Показано, что причиной противоречий между полученными оценками большего уровня интеграции приграничных рынков в сравнении с национальными рынками, и меньшим статистически наблюдаемым уровнем открытости приграничных с Китаем регионов, в сравнении с уровнем открытости страны в целом, является более высокий уровень ненаблюдаемых трансграничных экономических обменов на приграничном уровне в сравнении с национальным.

6. Установлено, что сложившаяся система барьеров при преодолении экономическим потоком национальной границы, выступает стимулом для расши-

рения неформальных трансграничных экономических обменов в процессе интеграции России и Китая, а также источником административной ренты. Показана положительная обратная связь: расширение неформальных трансграничных экономических обменов стимулирует введение новых административных барьеров и ужесточение контроля над их применением, что стимулирует увеличение извлекаемой ренты, а рост масштабов административной ренты выступает стимулом для расширения неформальных трансграничных экономических обменов.

7. Получены эмпирические свидетельства о существовании неописанных в научной литературе неформальных трансграничных экономических обменов для приграничных рынков, характерные для стран со слабыми экономическими институтами.

Практическая значимость работы. Полученные результаты могут быть использованы для оценки и разработки экономической политики в части развития международной экономической интеграции России, в том числе с Китаем; для совершенствования законодательства в сфере регулирования приграничного сотрудничества; для коррекции региональной экономической политики в части управления развитием внешнеэкономических связей.

Полученные результаты могут использоваться при преподавании таких учебных курсов, как «Международная экономика», «Теории региональной интеграции», «Неформальная экономика» в высших учебных заведениях. В частности, разработан и включен в Программу подготовки бакалавров авторский курс «Особенности ведения бизнеса в международных контактных зонах».

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на следующих конференциях за рубежом: “Borders versus migration: U.S.-Mexico and Russia-Asia” (ИНО-Центр, Университет Калифорнии, Государственный университет Сан-Диего, США) в 2007 г.; “Association of American Geographers” (Бостон, США) в 2008 г.; “2nd International Winter Symposium of the Global COE Program “Reshaping Japan’s Border Studies” (Центр славянских исследований Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония) в 2010 г.; “Politics, Concepts and Practicalities at the Chinese-Russian Border” (Центр Монгольских и Внутри-Азиатских исследований Университета Кембридж, Великобритания) в июле 2010 г.; “Trading, Smuggling and Migrating across Borders between China Russia and Mongolia” (Центр Монгольских и Внутри-Азиатских исследований Университета Кембридж, Великобритания) в ноябре 2010 г.; “Communities, institutions and transition in post-1991 Eurasia” (Институт Азиатских исследований им. М. А. К. Азад, Калькутта, Индия) в 2010 г.; “Twenty years After 1991 in Retrospect” (Институт Азиатских исследований им.М.А.К.Азад, Калькутта, Индия) в 2011 г.; “Borderland Voices: Shaping a New World Order”. BRIT XII (Фукуока и Пусан, Япония и Корея) в 2012 г., и других.

Результаты также представлялись на международных и всероссийских конференциях, семинарах, совещаниях, проводимых в России: на Российском экономическом конгрессе (Суздаль, 2013 г.); в Институте экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск, 2002–2003, 2007–2008, 2010–2011 гг.), Иркут-

ском государственном университете (Иркутск, 2003–2004, 2006–2012 гг.), Институте Геологии и Природопользования ДВО РАН (Благовещенск, 2007 г.), Тихоокеанском институте географии ДВО РАН (Владивосток, 2006 и 2009 гг.), Национальном исследовательском университете – Высшей школе экономики (Москва, 2007, 2009, 2012 гг.), Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 2008, 2009, 2011 гг.), Амурском государственном университете (Благовещенск, 2009, 2011 гг.), Институте Монголоведения, Буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, 2009 г.), а также на 3-й Всероссийском социологическом конгрессе (Москва, 2008 г.).

В диссертационном исследовании нашли отражение результаты, полученные при выполнении следующих коллективных и индивидуальных исследовательских проектов, поддержанных грантами: «Экономическая интеграция приграничных рынков: оценка структурных эффектов» (грант РФФИ № 12-06-00134-а, 2012–2014 гг.); «Where Rising Powers Meet: China and Russia At Their North Asian Border» (грант ESRC, № ES/J012335/1, 2012–2015 гг.); «Where Empires meet: The Border Economies of Russia, China and Mongolia project» (грант ESRC, № RES-075-25-0022, 2010–2011 гг.); «Цикличность валютной интеграции и дезинтеграции в процессе глобализации экономики (на примере Азиатско-Тихоокеанского региона)» (грант РФФИ № 09-06-00309-а, 2009–2011 гг.); «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков» (грант МОН РФ №14.В37.21.0012); «Этномиграционный фактор в формировании социального пространства Сибири» (грант МОН РФ №14.В37.21.0271); «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI» (грант Роснауки № 14.740.11.0770, 2010–2012 гг.); «Особенности формирования трансграничного рынка в Амурской области и провинции Хэйлунцзян» (ДВО РАН, 2006–2008 гг.); «Практики хозяйственной конкуренции современной России» (ГУ ВШЭ и Фонд Форда, 2006 г.); «Формирование трансграничного рынка: причины и последствия» (Фонд «Научный потенциал», 2006 г.); «Российско-китайское сотрудничество: региональное измерение» (ИНО-Центр, 2006 г.); «Китайское предпринимательство в России: социально-экономический и социально-психологический анализ» (МИОН, 2004 г.); «Этнополитические факторы стабильности и конфликта в российском приграничье (Кавказ и Сибирь)» (Фонд МакАртуров, 2004 г.).

Некоторые материалы работы нашли практическое применение, в частности при разработке «Концепции внешнеэкономической деятельности Амурской области на 2011-2020 годы» (диссертант выступал руководителем научно-исследовательской работы прикладного характера).

Публикации по теме исследования

По результатам исследования опубликовано 48 работ, в том числе 1 авторская монография и 17 статей в рецензируемых научных журналах, из них 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и 2 статьи в зарубежных изданиях, входящих в международные базы цитирования Web of Science, Scopus.

Структура работы определяется целями и задачами исследования, а также использованной методологией. Диссертация изложена на 260 страницах ос-

нового текста; состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы (267 источников), 4 приложений; содержит 87 таблиц, 28 рисунков.

Содержание работы

Глава 1. Проблемы теории и методологии исследования неформальной международной экономической интеграции приграничных регионов

1.1. Пространственные эффекты международной экономической интеграции

1.2. Неформальная международная экономическая интеграция: роль политических и экономических институтов

1.3. Методология исследования неформального трансграничного рынка

Глава 2. Пространственное распределение эффектов международной экономической интеграции в России

2.1. Агломерационные эффекты

2.2. Эффект границ

Глава 3. Масштабы ненаблюдаемости экономической интеграции России и Китая

3.1. Трансграничный поток товаров и услуг на уровне национальных рынков

3.2. Трансграничный поток товаров и услуг на уровне приграничных рынков

3.3. Трансграничный поток капитала из Китая в Россию

Глава 4. Особенности реформ открытости в приграничных регионах России и Китая

4.1. Формирование институтов приграничной открытости в Китае

4.2. Противоречие формальных и неформальных институтов приграничной открытости в России

Глава 5. Механизмы отбора неформальных правил функционирования трансграничного рынка (на примере Благовещенска – Хэйхэ)

5.1. Типизация неформальных трансграничных обменов

5.2. Деловые сети трансграничного рынка

5.3. Институты, конституирующие неформальный трансграничный рынок

Заключение

Библиографический список

Приложения

II. ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ

1. Обобщены теоретические представления об экономической специфике приграничного региона и определен характер влияния международной экономической интеграции на ожидаемые эффекты от участия в ней для приграничного региона. Обоснованы возможности и ограничения применения моделей новой экономической географии для эмпирической оценки эффектов международной экономической интеграции для приграничного региона. На основании эконометрических оценок показано, что участие России в процессах международной экономической интеграции оказывало слабое влияние на агломерационные эффекты в приграничных регионах; а также, что в 2000-х гг. экономика России развивалась по центростремительному варианту.

В хорошо развитой экономической теории интеграции по-прежнему ограниченное внимание уделяется проблеме границ национальных государств, приграничных регионов и субнационального распределения эффектов от участия страны в международной экономической интеграции. В работах классических

экономгеографов акцентировано внимание на том, что национальные границы разделяют прилегающие к ним пространственные рынки. Из-за искажения в рыночных сетях, чем ближе фирмы размещены к границам, тем меньше емкость доступных для них рынков.

В новой экономической географии (НЭГ) рассматривается взаимодействие между центром и перифериями через перераспределение экономических агентов, которое зависит от соотношения между транспортными издержками и возрастающей внешней экономии на масштабе. Благодаря действию центростремительных сил (возрастающая экономия на масштабе, большая емкость доступных для фирм рынков, большее разнообразие товаров по относительно более низким ценам для работников) происходит концентрация экономических агентов в центральном регионе. Благодаря действию центробежных сил (усиливающейся конкуренции на центральном рынке, возможности экономии на транспортных издержках из-за близости к внешним рынкам) происходит децентрация экономических агентов, то есть перемещение их к перифериям. В работах Элизондо П., Кругмана П., Фуджиты М. и др. было показано, что особенно сильно центростремительные силы проявляются в закрытой экономике. Ситуация начинает изменяться после открытия экономики, то есть после изменения барьерной функции границ на контактную, в результате чего включается действие центробежных сил.

Таким образом, методология НЭГ адекватна задачам оценки эффектов интеграции для приграничного региона. Однако инструментарий НЭГ обладает рядом ограничений для эмпирического исследования, особенно в российских условиях. Учет многоуровневого характера организации пространства, что составляет сильную сторону классической экономической географии, в моделях НЭГ отсутствует. Модели НЭГ используют весьма примитивный подход к оценке пространства, которая сводится к измерению величины транспортных издержек. Для эмпирической оценки эффектов интеграции для приграничного региона это, например, не позволяет учесть потенциально различное распределение эффектов между регионами, имеющими различные масштабы экономик. В моделях НЭГ декларируемая зависимость от пройденного пути развития не учитывается. Между тем, очевидно, что несмотря на теоретические ожидания, решения об изменении в размещении принимаются с большим трудом. Исторически сложившаяся, даже неэффективная система территориального размещения может оказаться устойчивой. И причина этого не только в инвестициях в специфические немобильные активы, альтернативное использование которых невыгодно или невозможно, но и в потенциальном получении экономии на масштабе, благодаря традиционному размещению, близости поставщиков, имеющейся инфраструктуры. Поэтому при оценке зависимости агломерационных эффектов от международной интеграции традиционное размещение, сложившееся в стране к моменту изменения барьерной функции границы, не учитывается. В моделях НЭГ не учитываются институты, в том числе влияющие на решения об изменении в размещении. Вместе с тем, теория институциональной экономики показывает, что особенности координации экономических агентов, а

также сложившиеся в стране формальные и неформальные правила могут оказывать влияние на решение о размещении.

Усовершенствованные к настоящему времени модели НЭГ, учитывающие хотя бы частично указанные методологические проблемы, требуют отсутствующих в России в открытом доступе статистических данных высокой степени дезагрегации (на уровне фирм, муниципалитетов, или, максимум, муниципальных районов). Оперирование данными на уровне административных единиц (регионов) является вынужденным решением, которое позволяет лишь грубо оценить наиболее явно проявившиеся эффекты от участия приграничных регионов в международной экономической интеграции.

Несмотря на все перечисленные недостатки, применение инструментария НЭГ в российской специфике имеет смысл, поскольку модели НЭГ не занимаются оценкой самого агломерационного эффекта, т.е. не считают результат агломерационного процесса, а, стремятся объяснить факторы, приводящие к агломерационному процессу. Оценивая взаимосвязь между различными проявлениями агломерационного процесса и внешними шоками, определяемыми снижением барьерной функции границы, развитием трансграничной инфраструктуры и т.п., можно сделать вывод о том, используется ли потенциал внешней торговли и инвестиций для развития приграничных территорий. Можно сказать, в каких отраслях (видах деятельности) агломерационные процессы больше связаны с развитием внешней торговли и привлечением инвестиций, но, конечно, нельзя оценить размер (уровень) агломерационного эффекта.

Эффекты экономической интеграции для приграничных регионов, относящиеся к классу проблем взаимосвязи внешнеэкономических факторов и пространственной организации экономики, эмпирически неоднократно тестировались для стран Западной и Восточной Европы, а также Северной Америки. Агломерационные эффекты в приграничных регионах могут проявляться в изменении специализации приграничных регионов (количества и качества размещенных на территории этих регионов фирм), в количестве проживающего населения, а также в его благосостоянии (табл. 1).

Таблица 1. Подходы НЭГ к оценке агломерационных эффектов, возникающих в результате международной экономической интеграции страны, для периферийных регионов

Тип оцениваемого эффекта	Метод оценки	Эмпирические свидетельства
Территориальное перераспределение фирм, приводящее к изменениям в специализации периферийных регионов («эффекты локализации»)	Эконометрические тесты взаимосвязи между зависимой переменной, измеряющей тип эффекта (относительная стоимость труда в регионе; региональная специализация и т. п.) и независимой переменной – транспортными издержками до центральных регионов; приграничное положение фиксируется фиктивными переменными	Хансон Г. (для США – Мексики); Ресмини Л. (для ЕС)
«Пространственные эффекты изменения стоимости труда», вызванные перераспределением экономической активности между центральными и периферийными регионами		Бракман С. и др. (для Германии –Польши); Хансон Г. (для США –Мексики); Риддинг С., Штурм Д. (для Германии)
Территориальное перераспределение количества экономических агентов к национальным границам, приводящее к росту городов («эффекты урбанизации»)		Хансон Г. (для США – Мексики)

В соответствии с выделенными типами эффектов, сформулированы и протестированы следующие гипотезы: Гипотеза № 1 (об эффектах локализации). Поскольку транспортные издержки и положительная внешняя экономия на масштабе определяют направление агломерационного процесса, то с началом либерализации внешней торговли, т. е. при изменении барьерной функции границы, фирмы принимают решение о перемещении в приграничные регионы, что приведет к изменению в специализации регионов.

Гипотеза № 2 (о пространственных эффектах изменения стоимости труда). Поскольку в отличие от закрытой экономики, где действуют центростремительные силы и, следовательно, отраслевые региональные заработные платы уменьшаются пропорционально расстояниям от центральных рынков, в открытой экономике включается действие центробежных сил и, следовательно, фирмы и труд перемещаются к масштабным внешним рынкам, то происходят заметные пространственные изменения стоимости труда, т. е. в приграничных регионах России относительная стоимость труда повышается.

При тестировании гипотезы № 1 учитывалось, что на размещение производства могла оказывать влияние близость к другим центрам притяжения, а не к рынку Китая. В частности, Россия в течении постреформенного периода ориентировалась на интеграцию с европейскими рынками, а также пыталась реинтегрировать интеграционные связи со странами бывшего СССР (по крайней мере, в масштабе СНГ). Использована спецификация эконометрического уравнения, предложенная Ресмини Л. В нее внесены коррективы, т.к. в отличие от изучавшегося в исследовании Ресмини Л. случая интеграции восточно-европейских стран в ЕС с одним центром притяжения, в нашем случае предполагается наличие нескольких центров притяжения («китайского», «европейского», «СНГ», «глобального»):

$$\log(L_i) = \alpha_0 + \beta_1 \log(D_{iEuro}) + \beta_2 (D_{iPRC}) + \beta_3 \log(FDI_{it}) + \beta_4 \log(CDI_{it}) + \beta_5 Port_{Chin} + \beta_6 Port_{Euro} + \beta_7 Port_{SNG} + \beta_8 Port_{Glob} + \beta_9 Port_{Closed} + \mu_{it}, \quad (1)$$

где L_i – коэффициент локализации вида деятельности в регионе i , D_{iEuro} – географическое расстояние до европейских рынков, измеренное расстоянием по железной / автодороге от региона i до порта в западной части страны, D_{iPRC} – географическое расстояние до китайских рынков, измеренное расстоянием по железной/автодороге от региона i до китайской границы, FDI_{it} – прямые иностранные инвестиции в регионе i в период времени t (за вычетом китайских), CDI_{it} – прямые китайские инвестиции в регионе i в период времени t , $Port_{Chin}$, $Port_{SNG}$, $Port_{Euro}$, $Port_{Glob}$ – фиктивная переменная для регионов, имеющих трансграничную инфраструктуру (наличие прямые каналы торговли), связывающую их с Китаем, странами СНГ, европейскими странами, а также с глобальными рынками. $Port_{Closed}$ – фиктивная переменная для регионов, имеющих «закрытые» границы (с Грузией, с Монголией). Контролируются также фиксированные вре-

менные эффекты. Использована технология МНК, реализованная в программном обеспечении EViews.

Расстояние, введенное в эконометрическое уравнение, позволяет оценить наличие и направление агломерационного процесса. Следовательно, переменная расстояния должна быть негативно связана с зависимой переменной, если вид деятельности испытывает притяжение европейских или китайских масштабных рынков. Потенциальная связь между переменной, отражающей локализацию вида деятельности, и переменными, отражающими инвестиции из Китая и инвестиции из других стран, может быть негативной / позитивной, в зависимости от конкуренции / комплиментарности фирм, получающих инвестиции, по отношению к местным фирмам. Фиктивные переменные должны быть позитивно связаны с зависимой переменной, если специализация региона зависит от притяжения соответствующих масштабных рынков.

Использованы данные об иностранных инвестициях по видам деятельности за период 2005–2010 гг., что дает 474 наблюдения (6 лет x 79 регионов) для каждого из исследуемых видов деятельности. Для тестирования в выборку не включены виды деятельности с относительно более высокой стоимостью недвижимых активов, изменение в размещении которых может быть заметным только в долгосрочном периоде и попытки уловить даже тенденции в процессах на пятилетнем периоде не имеют смысла.

Результаты выполненных оценок представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты эконометрических оценок «эффектов локализации»

Вид деятельности	FDI_{it}	CDI_{it}	D_{Eur}	D_{Asia}	$Port_{China}$	$Port_{Euro}$	$Port_{US}$	$Port_{Club}$	$Port_{Closed}$	$Adj.R^2$
Торговля	+0,0197 (***)				+0,2170 (***)		+0,0985 (***)	+0,1004 (***)		0,3231
Обрабатывающие производства, в целом	+0,0658 (***)		-0,5352 (***)			-0,3824 (***)		-0,1511 (***)		0,4453
Производство пищевых продуктов	+0,0199 (***)		-0,6005 (***)			-0,3125 (***)	+0,2136 (***)	+0,2375 (***)		0,2590
Текстильное и швейное производство	+0,5230 (***)		-1,4519 (***)				-0,5124 (**)	-0,8359 (**)		0,1431
Деревообработка	+0,3990 (***)			+1,8886 (***)		-0,8279 (***)	-0,5542 (***)		-0,9439 (***)	0,3826
Металлургия	+0,2229 (***)		-0,2929 (*)					-0,4163 (**)	-0,2278 (*)	0,2403
Производство транспортных средств/оборудования	+0,1716 (***)					-0,3941 (*)	+0,3867 (***)	+0,2610 (*)	-0,5073 (*)	0,1106
Производство прочих метал. минеральных изделий	+0,0551 (***)		-0,9945 (***)		+0,4928 (***)	-0,2955 (***)		-2,3439 (***)		0,2884
Сельское хозяйство	+0,0971 (***)			+1,274 (***)			+0,3151 (***)	-0,6461 (***)		0,3352
Лесное хозяйство	+0,8335 (***)			-0,9409 (***)		-0,5351 (*)	-0,4339 (**)			0,4456

Примечание: * - 10%, ** - 5%, *** - 1% уровни значимости.

Отрицательные коэффициенты при переменных расстояния свидетельствуют о том, что регионы со специализацией на производстве пищевых продуктов, текстильном и швейном производстве, металлургии, производстве прочих неметаллических изделий расположены в европейской части страны; регионы с единственной отраслью специализации (лесное хозяйство) расположены вблизи к российско-китайской границе. Теоретически ожидалось, что международные интеграционные процессы будут иметь большее значение для специализации регионов, имеющих трансграничную инфраструктуру. Это ожидание оправдалось частично, при этом наличие инфраструктуры могло быть связано со специализацией как положительно, так и отрицательно. Например, интеграционные процессы, определяемые наличием трансграничной инфраструктуры со странами СНГ, оказались положительно связаны со специализацией регионов на торговле, производстве пищевых продуктов, транспортных средств, сельском хозяйстве; и отрицательно – со специализацией на текстильном и швейном производствах, обработке древесины и лесном хозяйстве. Интеграционные процессы, определяемые наличием трансграничной инфраструктуры с европейскими странами, оказались отрицательно связаны со специализацией регионов на производстве пищевых продуктов, транспортных средств и оборудования, прочих неметаллических изделий, а также обработке древесины и лесном хозяйстве.

Интеграционные процессы, определяемые наличием трансграничной инфраструктуры с Китаем, оказались связаны положительно только со специализацией регионов на торговле и производстве прочих неметаллических минеральных изделий. Таким образом, агломерационные эффекты (в части изменения специализации) в регионах, близких к Китаю, связанные с международными интеграционными процессами проявляются только в лесном хозяйстве, а при наличии трансграничной инфраструктуры для этих регионов характерна еще специализация на торговле и производстве прочих неметаллических минеральных изделий. Следует отметить, что параметры модели, учитывающие интеграционные процессы с Китаем, в целом оказались менее значимы для специализации регионов, чем параметры, учитывающие интеграционные процессы с другими центрами притяжения.

Неоднозначность полученных оценок (отсутствие положительных связей для регионов с «закрытыми» границами, минимальное количество положительных связей для регионов, имеющих трансграничную инфраструктуру с Китаем, отрицательные связи для регионов, имеющих трансграничную инфраструктуру с европейскими странами; а также большое количество положительных связей для регионов, имеющих трансграничную инфраструктуру со странами СНГ) свидетельствует о том, что для получения приграничными регионами агломерационных эффектов от участия страны в международной экономической интеграции необходимы дополнительные условия (инфраструктурные, институциональные и, возможно, иные, что моделями НЭГ не учитывается). Кроме того, полученные оценки свидетельствуют в пользу того, что Россия реализовывала дифференцированную политику в отношении экономической открытости своих

национальных границ и, конкретно, российско-китайская граница была более закрытой, чем, например, граница со странами СНГ.

При тестировании гипотезы № 2 о пространственных эффектах изменения стоимости труда учитывалось действие (1) центростремительных сил (в нашем случае – зависимость относительных заработных плат в российских регионах от расстояния до традиционного центра внутренней интеграции, г. Москва) и (2) центробежных сил (зависимость относительных заработных плат от внешних интеграционных центров).

Оценка влияния центростремительных сил в динамике выполнена с использованием следующей спецификации эконометрической модели (использован вариант, предложенный Хансоном (1996)):

$$\log \left(\frac{w_{ik} / w_{ck}}{w_{ip} / w_{cp}} \right) = \alpha_0 + \varphi_k + \gamma_i + \beta_1 \log(D_{ic}) + \mu_{jt} \quad (2)$$

где w_{ik} / w_{ck} – номинальная заработная плата в регионе i по виду деятельности k по отношению к номинальной заработной плате по тому же виду деятельности в центре внутренней интеграции c (г. Москва); w_{ip} / w_{cp} – номинальная заработная плата в регионе i в целом по обрабатывающим видам деятельности P по отношению к номинальной заработной плате по обрабатывающим видам деятельности в центре внутренней интеграции; D_{ic} – расстояние по железной (или автомобильной) дороге от региона i до центра внутренней интеграции г. Москва. Контролировались φ_k – фиксированные эффекты для видов деятельности (для того, чтобы учесть специфические условия формирования заработной платы по различным видам экономической деятельности), γ_i – фиксированные эффекты для регионов (для того, чтобы учесть специфические условия формирования заработной платы в отдельных регионах).

Теоретически, в абсолютно открытой экономике в условиях равновесия заработная плата не дифференцирована в зависимости от удаленности региона от внутреннего интеграционного центра (коэффициент β_1 равен нулю), что свидетельствует о том, что действие центробежных и центростремительных сил уравновешено. В открытой экономике, испытывающей влияние внешнего шока в результате воздействия внешнеэкономических факторов, номинальные заработные начинают изменяться. Чем ближе регион к внешним рынкам, тем выше относительный уровень заработной платы (β_1 будет положительным), что свидетельствует о преобладании центробежных сил. В закрытой экономике заработные платы с увеличением расстояния от внутреннего интеграционного центра уменьшаются (β_1 будет отрицательным), следовательно, преобладает действие центростремительных сил.

В качестве источника выступали данные Росстата о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в расчете на одного работника по видам экономической деятельности; данные о номинальной заработной плате откорректированы с учетом районного коэффициента. Для оценки по (2) эконометрической спецификации использованы крайние точки, исходя из имеющегося временного ряда, то есть 2002 г. и 2010 г. По каждому году в выборку включены панельные данные по регионам по видам деятельности. Полученное количество наблюдений равно 390.

Полученные результаты позволяют принять тестируемую гипотезу: в 2010 г. коэффициент β_1 был ниже (в 1,4 раза), и при этом его статистическая значимость была выше, чем в 2002 г. Невысокая значимость коэффициента в 2002 г. может свидетельствовать о наличии нескольких интеграционных центров, соответственно рост статистической значимости коэффициента указывает на увеличение центростремительных сил к 2010 г.

Оценка влияния центростремительных и центробежных сил в пространстве выполнена с использованием следующей спецификации эконометрического уравнения:

$$\log\left(\frac{w_{it}^k / w_{ct}^k}{w_{it}^p / w_{ct}^p}\right) = \alpha_0 + \varphi_t + \gamma_i + \beta_1 \log(D_{ic}) + \beta_2 Port_{Chin} + \beta_3 Port_{Other} + \beta_4 Port_{Glob} + \mu_{ijt} \quad (3)$$

где: w_{it}^k / w_{ct}^k – номинальная заработная плата по исследуемому виду деятельности k в регионе i , в период времени t по отношению к номинальной заработной плате по тому же виду деятельности в центре внутренней интеграции c в период времени t ; w_{it}^p / w_{ct}^p – номинальная заработная плата в среднем по обрабатывающим видам деятельности p в регионе i , в период времени t к номинальной заработной плате в среднем по обрабатывающим видам деятельности по национальному рынку n в период времени t ; D_{ic} – расстояние по железной (или автомобильной) дороге от региона i до центра внутренней интеграции; $Port_{Chin}$ – фиктивная переменная для регионов, имеющих приграничные пункты пропуска с КНР; $Port_{Other}$ – фиктивная переменная для регионов, имеющих приграничные пункты пропуска на границах со странами Европы или СНГ; $Port_{Glob}$ – фиктивная переменная на регионы, имеющие выходы к глобальным каналам торговли. Контролировались φ_t – фиксированные временные эффекты (для учета временных трендов) и γ_i – фиксированные эффекты для регионов (для учета специфических условий формирования заработной платы в отдельных регионах). Варианты значений β_1 аналогичны спецификации (2). Если наличие трансграничной инфраструктуры в регионе способствовало росту относительной заработной платы в периферийных регионах, то β_2 , β_3 , β_4 будут положительными, что может свидетельствовать о влиянии центробежных сил.

Для оценки по спецификации (3) использованы панельные данные по регионам и временным периодам, отдельно по каждому виду экономической деятельности. Полученное количество наблюдений для каждого из исследуемых видов экономической деятельности равно 702 (табл. 3).

Таблица 3. Пространственные эффекты изменения стоимости труда: результаты оценки центробежных сил

Вид деятельности	D_{ic}	$Port_{Chin}$	$Port_{Other}$	$Port_{Glob}$	$Adj.R^2$
Производство пищевых продуктов	-0,0493 (***)			0,0809 (***)	0,7719
Текстильное и швейное производство		+0,0447 (***)	-0,0185 (***)	-0,0249 (***)	0,4165
Производство кожи, изделий из кожи, обуви	-0,0123 (***)	-0,0789 (***)		-0,0428 (***)	0,4983
Обработка древесины	-0,0216 (***)	+0,1456 (***)			0,5427
Производство транспортных средств и оборудования	-0,0178 (***)	-0,2579 (***)	+0,0194 (***)	+0,0276 (***)	0,6802
Производство прочих неметаллических минеральных изделий	-0,0212 (***)	+0,1642 (***)		-0,2487 (***)	0,6701

Примечание: *** – 1% уровни значимости.

Оценки, выполненные по спецификации (3), подтвердили действие центростремительных сил, выявленных и в спецификации (2): β_1 отрицателен и значим для всех рассмотренных видов деятельности, за исключением текстильного и швейного производства, где переменная расстояния незначима.

Близость к Китаю как внешнему рынку оказалась положительно связана с заработными платами по видам деятельности: текстильное и швейное производство (но эконометрические оценки не устойчивы), обработка древесины и производство прочих неметаллических минеральных изделий. Отрицательная связь наблюдалась по виду деятельности – производство кожи, изделий из кожи и обуви. Половина значимых коэффициентов оказалась положительной, что свидетельствует в пользу гипотезы о том, что близость внешних рынков влияла положительно на относительную стоимость труда, то есть о влиянии центробежных сил. Впрочем, вторая половина значимых коэффициентов оказалась отрицательной, то есть заработная плата по некоторым видам деятельности была отрицательно связана с наличием трансграничной инфраструктуры, что не предполагалось в рамках выполняемых тестов. Это свидетельствует о том, что включение России в международные интеграционные процессы удерживает низкий уровень заработной платы по некоторым видам деятельности в периферийных регионах, либо отрицательно влияет на размещение в них ряда производств (способствует их сворачиванию).

Таким образом, выполненные оценки свидетельствуют о том, что в 2002–2010 гг. центростремительные силы преобладали над центробежными, и при этом в 2010 г. по сравнению с 2002 г. действие центростремительных сил возросло, то есть можно предположить, что Россия развивалась как закрытая, или

образно говоря, «закрывающаяся», экономика. Тот факт, что действие центробежных сил оказалось как положительно, так и отрицательно связанным с относительной стоимостью труда в периферийных регионах дает основания утверждать, что они, видимо, не получили значимых эффектов от участия в международной экономической интеграции.

В целом тестирование обеих гипотез показало, что международная экономическая интеграция оказывает слабое влияние на агломерационные процессы в приграничных регионах. Это косвенно подтверждает недостаточный уровень открытости национальных границ, то есть то, что барьерная функция преобладает над контактной, что препятствует трансграничным экономическим обменам.

2. Предложена расширенная классификация процессов международной экономической интеграции с использованием критериев качества экономических институтов и роли ведущих игроков. Дополнительно к двум общепринятым классам формальной интеграции включены два обобщенных класса неформальной интеграции, в том числе «модель неформальной интеграции с параллельной активностью крупного игрока» и «модель неформальной интеграции с большим количеством игроков». Показано, что случай интеграции России и Китая наилучшим образом описывает модель неформальной интеграции с параллельной активностью крупнейшего игрока.

Получение положительных эффектов от участия в международной экономической интеграции зависит от параметров институциональной среды – в идеале от наличия работающих соглашений об интеграции. Но при этом наличие формальных соглашений об интеграции отнюдь не гарантируют роста трансграничных экономических обменов или, тем более, экономического роста участвующих стран; а с другой стороны и в отсутствии формальных соглашений об интеграции, и без формально подписанных внешнеэкономических контрактов и/или их слабом инфорсменте, могут развиваться интеграционные процессы. Таким образом, различные параметры институциональной среды определяют многовариантное развитие интеграционных процессов в мире. Общепринятые подходы к их классификации обращают особое внимание на уровень включенных в интеграционные процессы игроков, а именно выделяют регионализм и регионализацию в зависимости от ведущего игрока – государства или муниципалитетов / бизнеса. Этот подход не принимает во внимание, что деятельность государства как ведущего игрока в процессе интеграции может происходить параллельно деятельности участников трансграничных обменов и не учитывает возможный их неформальный характер. Поэтому в качестве систематизирующих критериев автором предлагается использовать не только уровень ведущих игроков, но и качество экономических институтов. В таблице 4 представлена классификация процессов международной экономической интеграции, учитывающая критерии качества экономических институтов и роли ведущих игроков.

Таблица 4. Модели международной экономической интеграции

		Ведущие (действующие) игроки	
		Государство	Муниципалитеты, региональные власти, фирмы
Качество экономических институтов, конституирующих международную экономическую интеграцию	Высокое	I. Формальная интеграция с государством как доминирующим игроком (регионализм) Пример: Северная Америка, НАФТА	II. Формальная интеграция с большим количеством игроков (регионализация) Пример: Европа, ЕС
	Низкое	III. Неформальная интеграция с параллельной активностью государства или наднациональных структур (слабый регионализм) Пример: Африка, НЕПАД и параллельная торговля	IV. Неформальная интеграция с большим количеством игроков (слабая регионализация) Пример: Азия, АТЭС и «бамбуковые сети»

Первые два квадранта матрицы хорошо описаны в научной литературе. (I) Регионализм – интеграция «сверху», т.е. процесс, опирающийся на разработанные программы, стратегии, подписанные международные и региональные трансграничные соглашения и созданные на их основе наднациональные или трансграничные структуры. (II) Регионализация – интеграция «снизу», т.е. процесс, опирающийся на региональные, муниципальные и корпоративные взаимодействия, которые имеют экономический и социальный, в меньшей степени политический характер.

(III) и (IV) квадранты матрицы включают систематизированные классы неформальной международной экономической интеграции, под которой понимается объединение разделенных государственной границей рынков путем снижения барьеров способами, конституируемыми неформальными (неписанными, не заданными государствами) правилами.

(III) Неформальная интеграция с параллельной активностью государства или наднациональных структур характерна для интеграционных процессов на африканском континенте. Интеграционные соглашения носили и носят формальный характер, инициативы исходят «сверху», от всемирного банка, от глав правительств государств, или от самих созданных наднациональных институтов; в отличие от других регионов мира отличаются слабыми эффектами создания торговли, или даже эффектами отклонения торговли. Причину такого состояния экономической интеграции исследователи видят в некачественных политических институтах и слабости элит, власть которых может быть нарушена из-за влияния интеграции на механизм перераспределения государственной власти. Несмотря на фактическую неработоспособность формальной интеграции на африканском континенте активно развивается неформальная интеграция, опирающаяся на неформальную, ненаблюдаемую приграничную торговлю.

(IV) Неформальная интеграция с большим количеством игроков активно развивается в Азии. Институты формальной интеграции в этом регионе формируются, но далеко не так быстро, как происходит реальная экономическая интеграция, опирающаяся на экономические обмены транснациональных корпораций, а также на деятельность «этнических» сетей. Причиной преобладания не-

формальных трансграничных экономических обменов является высота барьеров, связанная с преобладанием традиционных норм, распространенностью коррупции и развитием экономических институтов, отличных от западных.

«Модели» носят аналитический характер и в чистом виде не существуют. Приведенные примеры – тяготеющие к определенной модели варианты реальной интеграции в том или ином регионе мира. Очевидно, что со временем доминирующая в регионе модель может изменяться. Поэтому в таблице 4 отмечены уже состоявшиеся переходы, из-за замещения одних ведущих игроков другими в рамках НАФТА и ЕС.

Случай российско-китайской интеграции тяготеет к неформальной модели, количественным подтверждением этого является несовпадение данных статистического учета российских и китайских таможенных органов при их сопоставлении по методу зеркального баланса. В таблице 5 представлен индикатор ненаблюдаемости, рассчитанный для Китая и России с использованием следующих формул для страны i (I^i_{abs}):

$$I^i_{abs} = \frac{|X_i - M_j| + |M_i - X_j|}{T_i} * 100 \quad (4)$$

Для страны j индикатор ненаблюдаемости по (I^j_{abs}):

$$I^j_{abs} = \frac{|X_i - M_j| + |M_i - X_j|}{T_j} * 100 \quad (5)$$

где X_i и M_i – экспорт и импорт страны i со страной j , по данным страны i ; X_j и M_j – экспорт и импорт страны j со страной i , по данным страны j ; T_i – торговый оборот страны i со страной j , по данным страны i ; T_j – торговый оборот страны j со страной i , по данным страны j .

Таблица 5. Индикатор деформализации торговли России с Китаем, %

	1992	1993	1995	1997	1998	1999	2000	2001
I^i_{abs} (для России)	25,7	42,1	29,2	16,7	26,1	29,4	29,1	47,4
I^j_{abs} (для Китая)	20,4	29,6	22,6	14,3	20,7	22,7	22,6	32,2
	2002	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010
I^i_{abs} (для России)	29,1	36,5	43,3	16,5	19,5	8,0	25,1	25,1
I^j_{abs} (для Китая)	22,5	26,7	30,2	14,1	16,3	7,8	25,6	26,9

В период шоковой децентрализации и резкой либерализации ВЭД (1992-1993 гг.) индикатор ненаблюдаемости рос, в период формирования системы таможенных барьеров и ограничения экономической открытости (1994-1997 гг.) снижался. С началом рецентрализации (после 2000 г.) индикатор достиг своего пика и держался на крайне высоком уровне.

Снижение значений индикатора в отдельные годы связано с усилиями политического центра (и конкретно – ФТС и Банка России), направленными на формализацию экстралегальных обменов во взаимной торговле с Китаем. На-

пример, в 2002 г. были проведены реформы в регулировании въезда и пребывания на территории России иностранных граждан. В результате реформирования деловых схем бизнеса в 2002 г. произошло снижение индикатора по сравнению с 2001 г. на 18,3%. В 2003–2004 гг. каналы «серого импорта» были восстановлены, изменены системы их контроля и координации, и одновременно с этим произошел рост значения индикатора ненаблюдаемости. Падение индикатора в 2006 г. и его минимизация в 2008 г. также происходили благодаря действиям по формализации экстралегальных трансграничных обменов. В 2006 г. тема ненаблюдаемого оборота стала предметом межгосударственных дискуссий, где Россия требовала наведения порядка в этой сфере. В 2008 г. были предприняты дополнительные внутренние меры, препятствующие дальнейшему развитию «челночной» и «чартерной» торговли китайскими товарами в России (изменение правил ввоза товаров физическими лицами; закрытие ряда крупных оптово-розничных рынков; постановление о запрете мигрантам торговать на рынках). В результате 2008 г. стал знаковым с точки зрения «улучшения» статистических показателей – поскольку расхождения между данными импорта России из Китая резко снизились и составили не более 6% (но уже в пользу превышения импорта России над экспортом из Китая!). Этот же год продемонстрировал наиболее приемлемый уровень индикатора ненаблюдаемости (8%), что могло бы быть списано на методологические и технические погрешности учета. Следующий 2009 г., однако, ситуацию «развил» и превышение учтенного импорта в Россию над экспортом составило 25%, такое же превышение достигнуто в 2010 г.

Таким образом, решение проблемы распространения экстралегальных трансграничных экономических обменов Китай и китайские поставщики нашли, но оно заключалось не в формализации экстралегальных обменов, а в выработке новых глобальных деловых схем – поступлении товаров с территории стран-посредников, что выразилось в значительном ежегодном росте в 2008–2010 гг. расхождений данных по импорту России из Китая.

Расхождение данных статистического учета было характерно не только для внешней торговли России и Китая. На протяжении всего периода почти неизменным остается перечень стран, демонстрирующих расхождение по импорту и экспорту. Самые большие суммы совокупных расхождений (по модулю) в 2010 г. продемонстрировали: Нидерланды, Германия, США, Китай, Италия (табл. 6). В 2008 г. список стран был таким же, но показатели расхождения по Китаю были существенно скромнее. Основной рост расхождений по Китаю произошел по импорту – сумма импорта, который показывает Россия был более, чем на 7 млрд долл. США выше в 2010 г., в сравнении с 2008 г.

Особое внимание Банка России, также как и ФТС, традиционно привлекают торговые операции с Китаем, которые характеризуются максимальным расхождением не только по «машинам и оборудованию», но и по «текстилю, текстильным изделиям и обуви». Известно, что импорт по последней товарной группе могут обеспечивать экономические агенты любого размера, в том числе малые предприятия и физические лица.

Таблица 6. Страновая специфика деформализации внешнеторгового оборота, млн дол. США

Страна - торговый партнер России	2003			2008			2010		
	расхождение по экспорту	расхождение по импорту	расхождение по импорту в % к экспорту	расхождение по экспорту	расхождение по импорту	расхождение по импорту в % к экспорту	расхождение по экспорту	расхождение по импорту	расхождение по импорту в % к экспорту
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Нидерланды	2818	-2126	-179	29638	-5987	-132	26826	-3679	88
Германия	-4481	-6028	-79	-14870	-15318	-48	-11663	-9713	39
Италия	-246	-2072	-91	19701	-5018	-49	9209	-1034	11
США	-4351	343	12	-12806	3634	28	-12654	4476	43
КНР	-1468	-2726	-82	-4231	2139	6	-5484	9373	24
Финляндия	-620	-2102	-113	883	-4547	-69	77	-5671	124
В.Британия	977	-852	-63	3701	-339	-5	4143	-491	11

Примечание: столбцы (2), (5), (8) рассчитан как экспорт FOB России минус импорт FOB страны-партнера, столбцы (3), (6), (9) как импорт FOB России минус экспорт FOB страны-партнера.

Между Россией и Китаем подписано и действует более 20 двусторонних нормативно-правовых актов по разным направлениям экономического сотрудничества (для сравнения – с Гонконгом 1); подписана совместная «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)». Регулярно подписываются Протоколы заседаний Российско-Китайской Комиссии и ее 11 подкомиссий (большее количество подкомиссий учреждено только с Украиной, Венесуэлой и Кубой); заключаются соглашения и подписываются протоколы на уровне субъектов федерации, а также отдельных муниципалитетов. Количество и содержание этих документов указывает на институциональные особенности как Китая, так и России: доминирование государства над рынком, патернализм во внешней торговле (табл. 7).

Таблица 7. Регулирование и патернализм в международном экономическом сотрудничестве в России

Регион мира	Страна	Основные международные НПА, регулирующие экономическое сотрудничество, ед.	Межправительственные комиссии и подкомиссии, ед.
Европа	В.Британия	6	1
	Германия	12	1
	Италия	10	1
	Нидерланды	4	1
	Финляндия	13	1
Азия	Гонконг	1	0
	Индия	13	1
	КНР	22	11
	КНДР	4	4
	Р.Корея	4	10
Америка	Канада	6	6
	США	11	1

Не смотря на значительное количество подписанных соглашений, большая их часть не реализована. С этой точки зрения интеграционные процессы между Россией и Китаем похожи на процессы, протекающие на африканском континенте.

ненте, даже несмотря на то, что существенным отличием от них является отсутствие подписанных формальных соглашений об интеграции. Таким образом, динамика и масштабы ненаблюдаемости трансграничных экономических обменов между Россией и Китаем, страновая специфика ненаблюдаемости по товарным группам, а также уровень и характер развития административных связей, позволяют сделать вывод о том, что из двух неформальных моделей российско-китайская интеграция тяготеет к модели неформальной интеграции с параллельной активностью государства.

3. Показано, что развитие неформальных механизмов участия приграничных регионов в международной экономической интеграции в России и Китае связано с процессами экономической централизации, которая рассмотрена для этапов реформ экономической открытости приграничных регионов, выделенных по критерию институциональных изменений.

Теория неформальной экономики свидетельствует, что одним из важнейших факторов развития неформальных экономических обменов является чрезмерная централизация политической и экономической власти. С одной стороны, если государство становится «слишком сильным», заменяя собой рынок, узурпируя права собственности, контроля и координации, устанавливая слишком высокие барьеры для экономических агентов, у последних возникает стимул для участия в неформальных экономических обменах. С другой стороны, если государство становится «слишком слабым», то есть перестает выполнять свои функции, в том числе, по защите прав собственности и обеспечению эффективного инфорсменту контрактов, то криминальные структуры заменяют его функции. В результате неформальные экономические обмены могут даже превышать те обмены, которые ведутся полностью в соответствии с действующими формальными правилами.

Централизация связана и с решениями об участии в международной экономической интеграции; сильно централизованные государства ограничивают экономическую открытость регионов. Снижение барьеров приводит к перераспределению экономических агентов в пространстве, то есть к экономической децентрализации. Таким образом, существуют причинно-следственные связи между централизацией, международной экономической интеграцией, а также расширением неформальных трансграничных экономических обменов.

Существует две группы стимулов для централизации, и в том числе для ограничения экономической открытости приграничных регионов: политические и фискальные. Политические стимулы определяются тем, что экономическая открытость и международная экономическая интеграция могут сформировать спрос на политическую децентрализацию или даже сепаратизм в регионах; из-за удаленности от центра, а также в силу этнических, культурных и иных факторов эти стимулы, как правило, сильнее у приграничных регионов. Следовательно, политический центр может иметь стимулы для усиления экономической централизации в ответ на увеличение экономической открытости приграничного региона. Фискальные стимулы определяются тем, что усиление международной интеграции способно увеличивать потоки ренты, генерируемой на уровне ре-

гиона, в том числе приграничного из-за его географической близости к внешним рынкам. Следовательно, политический центр может захотеть получить дополнительный контроль над трансграничными экономическими обменами. Чем больше центральный бюджет зависит от доходов, генерируемых от участия в международной экономической интеграции, тем сильнее желание политического центра усилить централизацию. Нарастающий масштаб неформальных трансграничных экономических обменов означает среди прочего снижение собираемости фискальных платежей, что усиливает фискальный стимул централизации.

Таким образом, политические (опасения сепаратизма) и фискальные (опасения потери доходов центрального бюджета) стимулы централизации, рассмотренные совместно с факторами развития неформальных трансграничных экономических обменов позволяют предложить следующую концептуальную схему распространения неформальных трансграничных экономических обменов (рис. 1.)

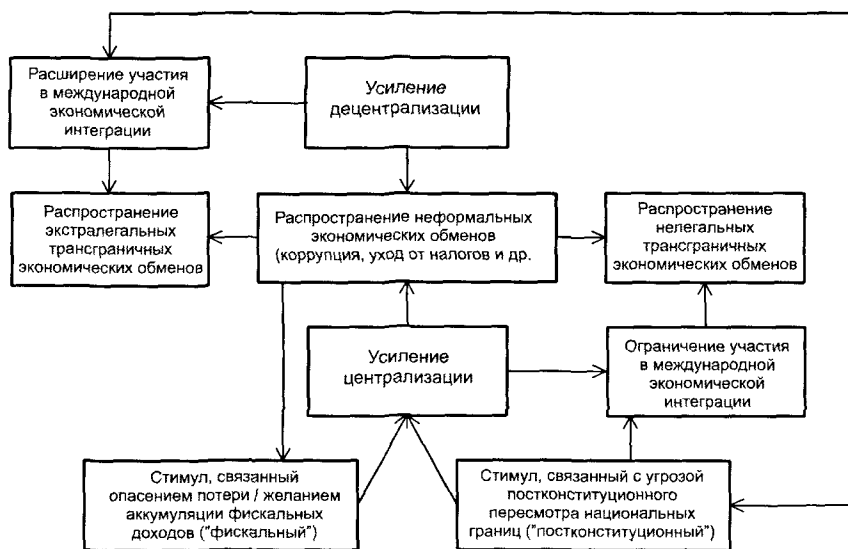

Рис. 1. Концептуальная схема распространения неформальных трансграничных экономических обменов

Эмпирическая проверка этой схемы для случая России и Китая особенно правомерна, поскольку процессы международной экономической интеграции этих стран представляют собой практически «натуральный эксперимент», в котором можно идентифицировать этапы проведения реформ открытости и изменения уровня (де)централизации. Кроме того, в рамках этого эксперимента взаимные потоки товаров, услуг, труда и капиталов стали характеризоваться зна-

чительными масштабами ненаблюдаемости, т. е. высоким уровнем распространения неформальных трансграничных экономических обменов.

По критерию изменения формальных правил можно выделить три этапа формирования институтов приграничной открытости в Китае (табл. 8).

1 этап. 1978–1991 г. Благодаря изменению барьерной функции границ спонтанно (в провинциях Юньнань и ГЧАР) и частично управляемо (на границе с СССР) стала развиваться приграничная торговля, для регулирования которой применялись отдельные локальные нормативно-правовые акты, а с 1984 г. «Временные правила». Стратегию реформирования этого этапа можно идентифицировать как «выращивание института», так как особую роль играли базары, бартер, «народная торговля» и другие архаичные с точки зрения современной международной торговли форматы. Институциональные отклонения от «экономической нормы» изучались, а при выявлении положительных эффектов опыт распространялся в других регионах. Приграничные рынки (базары) были созданы по всему периметру китайских границ, этот институт прижился быстро, поскольку опирался на традиционные для восточных обществ нормы.

Таблица 8. Реформы экономической открытости в приграничных регионах Китая

Период, гг.	Наименование этапа	Преобладающие стратегии реформирования	(Де)формализация внешнеэкономических обменов
1978-1991	Управляемая децентрализация и экспериментальное развитие институтов приграничной открытости в отдельных регионах	Выращивание института приграничной торговли	Рост уровня деформализации в трансграничных экономических обменах
1992-1995	Управляемая децентрализация и конструирование особого института приграничной открытости	Модификация апробированных в приграничных и других регионах институтов экономической открытости (особых экономических зон и др.)	Снижение уровня деформализации в трансграничных экономических обменах
1996-2006	Постепенная централизация, унификация институтов приграничной открытости и ограничение институциональных предпочтений	Последовательность промежуточных институтов	Стабилизация уровня деформализации в обменах. Постепенное совершенствование налогового учета и статистического наблюдения

2 этап. 1992–1995 гг. Быстрый рост масштабов приграничной торговли в 1990-1991 гг. определил необходимость конструирования «приграничного пояса открытости» (ППО), по аналогии с приморским прототипом. В 1992 г. была сформирована система формальных правил, регулирующих отдельные инструменты ППО (особый статус открытости, присвоенный отдельным городам; приграничные торговые зоны; приграничные зоны экономического сотрудничества). Децентрализация в принятии административных решений и расширение свобод муниципалитетов сопровождалось ограничением торговых свобод отдельных экономических агентов и их разграничению по типу доступных для них налоговых предпочтений. Благодаря чему часть обменов стала более формализованной и наблюдаемой, но «народная торговля» и базары оставались преимущественно неформальными и мало поддавались статистическому наблюдению.

3 этап. 1996–2006 г. Наличие институциональных исключений из правил международной торговли в приграничных регионах способствовало тому, что все большее количество экономических агентов стремилось ими воспользоваться. С фискальной точки зрения ситуация осложнялась дифференциацией правил для разных регионов. Поэтому в 1996 г. были унифицированы государственные подходы к приграничной торговле. С середины 2000 г. мелкооптовая приграничная торговля, в отличие от сделок на приграничных базарах, начала статистически наблюдаться. После 2000 г. начала проводиться унификация правил, то есть институты экономической открытости в приграничных регионах стали упраздняться.

Таким образом, в рамках децентрализации и реформ, проведенных в Китае, были созданы специальные институты экономической открытости в приграничных регионах и для их имплантации были использованы различные стратегии. Децентрализация способствовала распространению трансграничных экономических обменов, управление ее масштабами осуществлялось путем управляемой рецентрализации и дифференциации экономических агентов по их типу, размеру.

Отсутствие формальных правил для регулирования международной интеграции приграничных регионов затрудняет выделение этапов реформ институтов открытости для случая России. Тем не менее, процессы централизации и реформы институтов открытости в России имели пространственную дифференциацию. Поэтому выделение этапов развития институтов приграничной открытости в России проведено не по критерию изменения формальных правил приграничной открытости, как в случае Китая, а по реакции экономических агентов на институциональные изменения (табл. 9).

Таблица 9. Реформы экономической открытости в России: специфика приграничных регионов

Период, гг.	Наименование этапа	Стратегии реформирования	(Де)формализация внешнеэкономических обменов
1986-1991	Управляемая децентрализация и экспериментальное развитие приграничной (прибрежной) торговли	Модификация института управления внешней торговлей	Деформализация трансграничных обменов отдельных экономических агентов: архаичные формы торговли и расчетов, включение во внешнеэкономические обмены населения и др.
1992-1993	Шоковая децентрализация и либерализация внешнеэкономической деятельности	Трансплантация неадаптированных рыночных институтов	Попадание в «институциональные ловушки» («серый» импорт, коррупция на таможене, развитие «челночества», неформального посредничества)
1994-1999	Несистемная (выборочная) централизация и ограничение экономических свобод приграничных регионов	Модификация трансплантированных институтов	Институционализация (закрепление) деформализованных правил, расширение коррупции
2000-...	Системная централизация внешнеэкономической деятельности	Контр-реформы	Системная коррупция и увеличение масштаба неформальных экономических обменов

1 этап (1986 – 1991 гг.). В рамках проведения «эксперимента» по развитию приграничной (прибрежной) торговли были модифицированы институты управления ВЭД в СССР; для торговли с Китаем созданы Дальинторг. и Восток-

синьцзянторг, которые обладали большим уровнем гибкости в сравнении с централизованной системой международной торговли. Приграничная торговля велась посредством товарообменных сделок, с началом реформ наработанные бартерные схемы распространились и стали основным механизмом деформализации трансграничных обменов. Снижение барьерной функции границы облегчило выезд за рубеж граждан, которые также включились в неформальные трансграничные обмены.

2 этап (1992-1993 г.). «Шоковая» либерализация ВЭД, проведенная путем имплантации неадаптированных институтов, обернулась неуправляемой децентрализацией, и широким распространением неформальных экономических обменов. Ограниченная доступность участия в международных интеграционных процессах (институт спецэкспортера, квотирование, лицензирование, низкая скорость таможенных процедур и сложность налаживания хозяйственных связей) привела к формированию в приграничных регионах института неформального посредничества. Включение физических лиц, не зарегистрированных для ведения предпринимательской деятельности, в механизм перераспределения внешнеторговой ренты, способствовал созданию «челночной торговли», масштабы ее распространения из-за близости торговых каналов в приграничных регионах были выше.

3 этап (1994-1999 г.). Фискальные (острый бюджетный дефицит) и политические (начавшаяся дифференциация таможенных правил в отдельных субъектах России) стимулы привели к частичной рецентрализации в сфере ВЭД. Политика, направленная на улучшение собираемости налогов и пошлин, имела пространственную привязку – и касалась в большей степени приграничных с Китаем регионов – так как в них распространенность неформальных экономических обменов была выше. В отличие от Китая, эта политика не была дифференцирована по экономическим агентам.

4 этап (с 2000 г.). В 2000-х гг. началась политическая и экономическая рецентрализация, имевшая особенности с точки зрения ограничений экономической открытости приграничных регионов. Для регулирования неучтенного оборота, противодействию коррупции ФТС реализовывало политику, направленную на повышение собираемости пошлин. Однако ее эффективность невысока: начиная с 1994 г., в политику были включены мероприятия по пресечению «челночной торговли», в том числе корректировались объемы и суммы необлагаемого ввоза товаров физическими лицами. Несмотря на это, физические лица продолжают участвовать в «челночной торговле». В 2007-2010 гг. в этой политике заметную роль стали играть пространственные методы перераспределения торговых потоков, или так называемая политика «концентрации мест таможенного оформления». В результате институциональных новаций, федеральная таможенная служба становилась суррогатом планового органа, который не формировал планы по объемам импорта и экспорта, но через установление планов по доходам имел стимулы и возможности косвенного воздействия и на объемы и на цены и даже на количество участников ВЭД. Существующие механизмы координации в ФТС характерны для плановой экономики, так называемые

мый «эффект храровика» (по Я.Корнаи). Масштабы неформальных экономических обменов стимулировали рецентрализацию и ограничение экономической открытости, а усиление централизации приводило к росту неформальных экономических обменов.

Таким образом, анализ реформ экономической открытости в приграничных регионах Китая и России с применением предложенной концептуальной схемы подтверждает, что распространение неформальных трансграничных экономических обменов связано с процессами экономической централизации, обусловленными политическими и фискальными стимулами.

4. Доказано, что уровень интеграции для приграничных рынков России и Китая выше, чем для национальных рынков, так как негативное влияния издержек преодоления экономическим потоком национальной границы для национальных рынков выше, чем региональных.

Изменение контактной / барьерной функции национальной границы является ключевым фактором интеграционного процесса, основным каналом формирования эффектов агломерации, а также стимулом для распространения неформальных трансграничных экономических обменов. Поэтому важной задачей является измерение уровня контактности / барьерности границ. Адекватным методологическим подходом для этих целей выступает т.н. оценка «эффекта границ» (border effect). Эффект границ – это экономические потери (увеличение трансакционных издержек, приводящее к увеличению стоимости товара или снижению объема торговли), возникающие в связи с необходимостью преодоления товаром национальной границы. Существует две сложившиеся в экономических исследованиях стратегии анализа эффекта границ (табл. 10).

Таблица 10. Подходы к оценке эффекта границ

Подход	Методы оценки	Эмпирические тесты
Основан на применении гравитационных моделей. Оценивается, насколько наличие национальной границы увеличивает/сокращает объемы взаимной торговли.	Эконометрические тесты взаимосвязи объема торговли (зависимая переменная) и размера экономики, транспортных издержек, наличием общей границы (влияющие переменные). Наличие общей границы задается фиктивными переменными.	MacCalum 1985; Anderson, van Wincoop 2003
Основан на оценках выполнения закона единой цены. Оценивается, насколько увеличивается цена товара при пересечении им национальной границы.	Эконометрические тесты взаимосвязи волатильности относительных цен между регионами домашнего и зарубежного рынка (зависимая переменная) и транспортных издержек и эффекта границ (фиктивная переменная).	Engel, Rogers 1996, 2000, Parsley, Wei 2001 Gorodnichenko, Tesar 2005

Для оценки эффекта границ использована стратегия тестирования выполнения закона единой цены, так как для применения гравитационных моделей важно иметь оценки объемов взаимной межрегиональной торговли с учетом значительного неформального оборота, что при существующей системе таможенного учета сделать невозможно.

Обе стратегии значительно чаще применялись для оценки эффектов на национальном, нежели субнациональном уровне. Исследовательский фокус данной работы требует не просто изменения уровня анализа, но учета специ-

фики приграничного региона, исходя из которой в работе сформулирована и протестирована гипотеза о том, что «эффект границ» (как экономические потери от преодоления экономическим потоком национальной границы) должен быть меньше для приграничных рынков в сравнении с национальными.

Тестируемая гипотеза состоит в том, что пересечение российско-китайской границы приводит к росту относительных цен товаров. Использована спецификация эконометрического уравнения, предложенная Городниченко Ю. и Цезар Л., [далее обозначается как GT(2005)], а также спецификация, предложенные Энгелем Ч. и Рожерсом Дж. [соответственно обозначается как ER(1996) и ER(2001)]. Их отличие состоит в добавлении в модели GT(2005) фиксированных эффектов α_i , γ_j , φ_k для регионов i и j и продукты k , т. е. в учете специфических характеристик, связанных с неоднородностью пространства, а также различиями в ценообразовании на продукты. В спецификации ER(2001) также ввели фиксированные эффекты для регионов. Дополнительной контрольной переменной в авторской спецификации (1.9) выступает фиктивная переменная для китайских городов.

$$\sigma(P_{ijt}^k) = c + \alpha_i + \gamma_j + \varphi_k + \beta_1 \ln(Dist_{ij}) + \beta_2 Border_{ij} + \beta_3 China_{ij} + \varepsilon_{it} \quad (6)$$

$Dist_{ij}$ – расстояние в км между регионами (столицами регионов), и $Border_{ij}$ – фиктивная переменная, которая собственно и оценивает эффект границы. Она принимает 0 для пар регионов, расположенных в одной стране и 1 для пар, расположенных в разных странах. В качестве зависимой переменной $\sigma(P_{ijt}^k)$ выступает волатильность индексов цен, рассчитанная как стандартное отклонение относительных индексов цен $\sigma(q_{ij}^k)$, где $q_{ij}^k = \log(Q_{ijt}^k)$. В свою очередь относительные индексы цен рассчитаны как $Q_{ijt}^k = P_{it}^k / (S_i * P_{jt}^k)$, где P_{it}^k – индекс цен на товар k в регионе i в период времени t , P_{jt}^k – индекс цен на товар k в регионе j в период времени t . $k = 1, 2 \dots 9$, $i, j = 1 \dots 46$ (для «национальных рынков»), $i, j = 1 \dots 8$ (для «приграничных рынков»). S_i – обменный курс.

Ожидается, что β_1 β_2 будут положительными, то есть на волатильность цен влияют и расстояние и необходимость преодоления национальной границы. Для оценки $Dist_{ij}$ были использованы расстояния по транспортным коридорам. В качестве источников ценовых данных использованы индексы потребительских цен для товаров, либо одинаковых, либо являющихся близкими заменителями. Имеющийся для оценки временной ряд включает данные за 2002–2007 гг.

Все индексы откорректированы для приведения их к единой валюте. Выполнены расчеты для двух выборок: (1) «национальные рынки» и (2) «приграничные рынки». В «национальные рынки» включены регионы (всего по 23) с максимальным оборотом взаимной внешней торговли, а также регионы, ближе расположенные к потенциальным каналам взаимной торговли. В «приграничные рынки» включены только те регионы, которые имеют общую границу с при-

граничными пунктами пропуска и где может развиваться взаимная торговля в специфическом приграничном формате. Для каждого продукта оценены относительные страновые и межстрановые индексы цен. Всего получено 9315 наблюдений для «национальных рынков» (1035 наблюдений по каждому из 9 продуктов, из 1035 – по РФ и КНР это по 253 пары регионов, по РФ-КНР 529 пар регионов), 324 наблюдения для «приграничных рынков» (26 наблюдений по каждому из 9 продуктов).

В таблице 11 представлены данные результатов оценки эффекта границ для «национальных рынков», с учетом значимых фиктивных переменных. Оценки по всем спецификациям подтвердили, что эффект границы оказывает значимое негативное влияние на торговые потоки между Россией и КНР на уровне «национальных рынков».

Таблица 11. Результаты регрессионных оценок эффекта границ для «национальных рынков»

Переменная	Волатильность относительных цен				
	ER(1996)	ER(2001)	GT(2005)	авторская-1	авторская-2
Эффект границы	0,0138***	0,0149***	0,0158***	0,0158***	0,0114***
Log Расстояния	0,0025***	0,0014***	0,0011***	0,0011***	0,0020***
Фиксированные эффекты					
для китайских регионов	нет	нет	нет	-0,0031	-0,0058***
для регионов	нет	да	да	да	да
для овощей	нет	нет	нет	нет	0,051***
для продуктов	нет	нет	да	да	нет
Adj. R ²	0,11	0,13	0,68	0,69	0,52

Примечание: *** - 1% уровень значимости.

В таблице 12 представлены данные результатов оценки эффекта границ для «приграничных рынков», которые показывают, что эффект границы значим, он также негативно влияет на интеграцию «приграничных рынков», но он лишь в 3 раза (в сравнении с 5,5 для национальных рынков) превышает переменную расстояния.

Таблица 12. Результаты регрессионных оценок эффекта границ для «приграничных рынков»

Переменная	Волатильность относительных цен	
	ER (1996)	авторская
Эффект границы	0,0097***	0,0099***
Log Расстояния	0,0040***	0,0033***
Фиксированные эффекты		
для китайских регионов	нет	-0,0025
для регионов	нет	да
для овощей	нет	0,0412***
для продуктов	нет	да
Adj. R ²	0,05	0,36
Количество наблюдений	324	

Примечание: *** - 1% уровень значимости.

Таким образом, выполненное эконометрическое тестирование выполнения закона единой цены показало, что барьеры в виде национальных границ нега-

тивно сказываются на торговых потоках между Россией и Китаем. Расчеты подтвердили «теоретическое предсказание» о том, что эффект границ ниже для приграничных регионов, то есть «приграничные рынки» более интегрированы, чем «национальные рынки» России и Китая. Это означает, что цены на торгуемые товары, производимые на фирмах приграничных рынков, адаптированы к ценам локальных рынков, отделенных границей в большей степени, чем цены на торгуемые товары, производимые на национальных рынках. Иначе говоря, экономики приграничных регионов более интегрированы, чем экономики национальных рынков.

5. Показано, что причиной противоречий между полученными оценками большего уровня интеграции приграничных рынков в сравнении с национальными рынками, и меньшим статистически наблюдаемым уровнем открытости приграничных с Китаем регионов, в сравнении с уровнем открытости страны в целом, является более высокий уровень ненаблюдаемых трансграничных экономических обменов на приграничном уровне в сравнении с национальным.

Высокий уровень внешней интеграции приграничных рынков, который был выявлен при помощи инструментария «эффекта границ», предполагает, что торговые потоки должны быть пространственно смещены к взаимным границам, а также то, что должен быть высоким и уровень внешней открытости экономики приграничных регионов.

Пространственная структура взаимной торговли России и Китая, реконструированная по статистически наблюдаемым данным, отражает характер централизации внешней торговли в каждой из стран. С началом открытия границ для взаимной торговли в нее включились приграничные регионы обеих стран, и их удельные веса в торговле стран быстро выросли, но дальнейшие институциональные изменения привели к пространственному смещению наблюдаемого оборота. В таблице 13 представлены данные о пространственной структуре торговли с Россией в Китае.

Таблица 13. Удельный вес приграничных регионов во взаимной торговле России и Китая, %

	1992	1995	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
- российские приграничные регионы в торговле России с Китаем	25,0	10,3	15,1	17,6	15,8	11,8	10,1	9,7	9,9
- китайские приграничные регионы в торговле Китая с Россией	57,1	75	29,8	30,0	31,6	31,1	()	()	30

Примечания. В ежегодниках АРВМ представлены данные только по экспорту с Россией, поэтому удельный вес китайских приграничных регионов рассчитан без удельного веса импорта с Россией этой провинции.

В 1995 г. удельный вес приближенных к границе с Россией провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, а также АРВМ составил 75% китайской торговли с Россией, на Пекин пришлось лишь 3,3%. С развитием приморских провинций в Китае произошло пространственное перераспределение торговли с Россией в их пользу (Гуаньдун, Шанхай, Шаньдун, Чжэцзян, Цзянсу), однако удельный вес

приграничных провинций в структуре торговли Китая с Россией остался высоким, в 2010 г. 30 %.

В России основные объемы взаимной торговли обеспечивают регионы и группы регионов, существенно удаленные от государственной границы. Наибольшие удельные веса в обороте с Китаем обеспечивали Северо-Западное и Центральное таможенные управления (21% и 20% в 2010 г. соответственно), таможни центрального подчинения (25% в 2010 г.). На Дальневосточное управление приходилось 12% оборота в 2010 г. Самый большой удельный вес в торговле России с Китаем за период 1992-2010 гг. приграничные российские регионы показали в 1992 г. (25%), в 1995 г. он снизился до 10%, такие же значения индикатор пространственной структуры торговли демонстрировал и в конце 2000-х гг. В отличие от Китая, сложившаяся в России пространственная структура взаимной торговли не типична для соседствующих стран с открытыми экономиками, приграничные регионы которых вовлечены в процесс экономической интеграции. Представленные выше оценки индикатора деформализации показывают, что Китай на протяжении 1992-2008 гг. статистически наблюдал большие объемы торговли с Россией, чем Россия с Китаем, что свидетельствует о том, что проблема деформализации внешнеторговых обменов была в большей степени характерна для Российской стороны.

В таблице 14 представлены данные об уровне экономической открытости некоторых регионов России, рассчитанный по формуле

$$I_{openess} = \frac{M_i + X_i}{GDP_i} * 100\%, \quad (7)$$

где M_i , X_i , GDP_i - импорт, экспорт, ВВП в регионе i . Импорт и экспорт пересчитаны по среднему курсу Банка России.

Таблица 14. Экономическая открытость российских регионов, %

№ пп.	Регион	1997	1999	2000	2003	2006	2007	2008	Средняя по медиане за 1997–2008 гг.
1	Калининградская обл.	113	174	151	162	164	144	164	159
4	г. Москва	79	96	87	70	83	78	102	81
20	Приморский край	29	39	43	42	49	50	61	50
24	Хабаровский край	15	40	62	48	59	30	30	46
63	Забайкальский край	9	16	15	11	14	17	15	15
72	Амурская область	5	10	8	6	8	11	15	9
77	Еврейская АО	3	7	12	4	4	4	7	5
79	Республика Тыва	3	22	45	3	3	3	1	3

Таким образом, показатели открытости приграничных с Китаем регионов России, не имеющих выходов к каналам глобальной торговли, были относительно низкими. В целом показатели открытости свидетельствуют о том, что наличие каналов торговли не является фактором, определяющим развитие трансграничных экономических обменов. Политический и экономический центр, г.Москва, имел при этом самые высокие показатели открытости на всем наблюдаемом периоде.

Система управления ВЭД через жесткое планирование работы ФТС является неединственным механизмом усиления централизации. Важную роль в этом играет и сложившаяся в советское время транспортная система (табл. 15, в которой предствлено поступления денежных средств от предоставления транспортных услуг в сфере ВЭД предприятиями, зарегистрированными в субъекте федерации по отношению к поступлению денежных средств по Российской Федерации в целом).

Таблица 15. Уровень централизации доходов от предоставления транспортных услуг в сфере ВЭД, %

Вид транспорта/ регион	Поступления всего*		Перевозки товаров экспортируемых из России		Перевозки товаров импортируемых в Россию	
	2007	2010	2007	2010	2007	2010
Московская область						
Транспортные услуги – всего**	5,64	0,78	5,17	0,43	33,59	3,82
Воздушный транспорт	26,10	1,67	95,88	12,96	84,35	2,17
Автомобильный транспорт	3,49	8,48	2,32	6,88	3,19	10,67
г. Москва						
Транспортные услуги - всего	21,97	28,95	6,73	5,15	8,03	56,21
Воздушный транспорт	2,60	17,41	0,17	0,00	14,59	94,99
Железнодорожный транспорт	79,80	68,44	48,98	0,58	0,08	44,76
Автомобильный транспорт	6,16	5,90	5,25	5,35	6,28	5,58
Трубопроводный транспорт	31,31	41,89		21,49		
г. Санкт-Петербург						
Транспортные услуги - всего	9,63	8,76	13,66	32,58	9,06	3,63
Водный транспорт	29,07	37,77	22,28	46,43	22,04	23,33
Воздушный транспорт	0,01	0,02	0,00	0,00	0,07	0,12
Железнодорожный транспорт	9,67	12,20	8,26	36,74	99,89	0,23
Автомобильный транспорт	4,62	4,24	1,87	2,16	5,33	4,09
Трубопроводный транспорт	0,11	0,06	0,71	0,47		

Примечания: * «поступления всего» включают поступления денежных средств от перевозок экспортируемых и импортируемых товаров, а также поступления от транзитных и прочих международных перевозок

** «Транспортные услуги – всего» включают услуги водного, воздушного, железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта по обслуживанию международных перевозок»

Большинство операций по таможенному оформлению осуществляется в местах, отдаленных от государственной границы, в том числе наиболее значительные объемы приходятся на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Существующее пространственное размещение таможенных органов и структура транспортных потоков носит ярко выраженный централизованный характер: товарные потоки концентрируются в центре, а затем переправляются к получателям.

Таким образом, оценки большего уровня интеграции приграничных рынков в сравнении с национальными рынками России и Китая, выявленные при помощи инструментария «эффекта границ», противоречат статистически наблюдаемым показателям приграничного и национального уровней открытости и выводам, к которым можно прийти, анализируя пространственную структуру торговли и движение транспортных потоков.

Объяснением противоречия между этими группами количественных индикаторов является то, что объемы взаимной внешней торговли в приграничных

регионах в значительной степени ненаблюдаемы. Оценки масштабов ненаблюдаемости трансграничных экономических обменов, выполнены по методике, аналогичной той, что использована для национального уровня, но с учетом следующих проблем статистического наблюдения: (1) отсутствуют доступные (публикуемые) данные международной межрегиональной торговли как по Китаю, так и по России; доступны данные по обороту, например, Амурской области с Китаем, но не Амурской области с провинцией Хэйлунцзян; (2) в России не наблюдалась приграничная торговля, поэтому нельзя сопоставить китайскую приграничную торговлю с российской; (3) адекватное наблюдение за приграничной торговлей в Китае началось с 2000 г, что ограничивает период для анализа. Поэтому для оценки масштабов ненаблюдаемости во внешнеторговом обороте приграничных регионов использован индикатор (i_{unob}^i):

$$i_{unob}^i = \frac{|t_i - t_j|}{t_i} * 100\% \quad (8)$$

где t_i - торговый оборот российских приграничных регионов с Китаем, t_j - торговый оборот китайской приграничной торговли с Россией.

Он сопоставлен с аналогичным индикатором ненаблюдаемости по модулю суммы расхождений по внешнеторговому обороту, рассчитанному на национальном уровне I_{unob}^i по формуле:

$$I_{unob}^i = \left| \frac{(X_i - M_j) + (M_i - X_j)}{T_i} \right| * 100 = \left| \frac{T_i - T_j}{T_i} \right| * 100 \quad (9)$$

где X_i и M_i - экспорт и импорт страны i со страной j , по данным страны i ; X_j и M_j - экспорт и импорт страны j со страной i , по данным страны j ; T_i - торговый оборот страны i со страной j , по данным страны i ; T_j - торговый оборот страны j со страной i , по данным страны j (табл. 16).

Таблица 16. Индикаторы ненаблюдаемости торговли с Китаем: приграничный и национальный уровни, %

Показатель	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Приграничный уровень (i_{unob}^i)	119,7	50,3	64,7	56,9	17,2	23,4	42,7	56,1
Национальный уровень (I_{unob}^i)	29,1	29,1	36,5	42,9	43,3	16,5	19,5	1,6

Индикатор ненаблюдаемости на уровне приграничных регионов выше аналогичного индикатора на национальном уровне, что свидетельствует о большей распространенности неформальных трансграничных экономических обменов в приграничных регионах. В совокупности с выводами о центростремительном характере развития экономики России, об ограничении торговых свобод (централизации ВЭД) и пространственной структуре взаимной с Китаем торговли, это позволяет сделать вывод о том, что применявшиеся подходы и инструменты, направленные на легализацию трансграничных экономических обменов не были эффективными.

6. Установлено, что сложившаяся система барьеров при преодолении экономическим потоком национальной границы, выступает стимулом для расширения неформальных трансграничных экономических обменов в процессе интеграции России и Китая, а также источником административной ренты. Показана положительная обратная связь: расширение неформальных трансграничных экономических обменов стимулирует введение новых административных барьеров и ужесточение контроля над их применением, что стимулирует увеличение извлекаемой ренты, а рост масштабов административной ренты выступает стимулом для расширения неформальных трансграничных экономических обменов.

Влияние барьеров на распространение неформальных трансграничных экономических обменов рассмотрено в рамках теории сетей, с использованием соответствующего инструментария. В качестве объекта исследования выступила деловая сеть, специализирующаяся на неформальной доставке товара через национальную границу. Была использована следующая последовательность анализа:

1. Идентифицированы акторы. Для идентификации ролей участвующих в деловой сети акторов использованы обозначения, введенные в работах Андерсона и Бандейры. «Поставщик» – лицо, поставляющее товар; в рассматриваемом примере и в большинстве случаев – китайские фирмы. «Торговец» – лицо, покупающее товар у «поставщика», с целью его продажи на российских открытых рынках (базарах). «Торговец» самостоятельно или через посредника («контрабандиста») осуществляет доставку товара; как правило, российская фирма, участник «челночной» торговли. «Контрабандист» – лицо, осуществляющее доставку товара по туристским каналам. «Грабитель» – лицо, извлекающее доход от хищнических операций в отношении «торговца». «Грабители» делятся на «официальных» (государство в лице таможенных органов) и «неофициальных» (лица, извлекавшие доход из посреднических операций по перемещению наличных денег в Китай; а также лица, получавшие часть административной ренты).

2. Выделены периоды. Экстралегальная схема доставки товара постоянно трансформировалась. Принципиальные изменения в характере взаимодействий между акторами деловой сети происходили в рамках трансформации формальных правил и значительной подстройки неформальных правил (табл. 17).

3. Определен характер связей между акторами. Описание характера связей между акторами деловой сети представлено в таблице 17 (столбец 3), формализовано в виде матриц.

4. Составлены ориентированные графы, характеризующих типы обменов в рамках сетей, для каждого из выделенных периодов (рис. 2).

Таблица 17. Этапы трансформации трансграничной деловой сети и характеристика ее акторов

Основные институциональные изменения	Характеристика	Основные акторы
(1) 1987–1991 гг.: слабая связанность торговцев		
<p>1987 г. – принято соглашение о сотрудничестве между Благовещенском и Хэйхэ, 1988 г. – в КНР принято законодательство о стимулировании приграничного торгово-экономического сотрудничества с СССР»</p>	<p>Однодневные туристские маршруты, в которые вовлекаются «непрофессиональные» торговцы. Торговля на стихийных открытых рынках (базарах). Отсутствуют таможенные процедуры. Сетевые взаимодействия слабые, а игроки – гомогенны. Контакты существовали недолго, чаще всего кроме одной сделки взаимодействий не было</p>	<p>Многочисленные, но не связанные «торговцы» (роли поставщиков и покупателей не определены)</p>
(2) 1992–1993 гг.: введение доминирующего игрока		
<p>1992 г. – проведена либерализация ВЭД в РФ, 1992 г. – разрешен безвизовый групповой туристский обмен между приграничными территориями</p>	<p>Маятниковая приграничная миграция на основе шопингов, в которые вовлечена значительная часть населения обеих стран. Формируются таможенные процедуры (появляется «официальный грабитель»). Сетевые связи по-прежнему слабые.</p>	<p>«Торговцы» (функция поставщика не закреплена), «официальный грабитель»</p>
(3) 1994–1996 гг.: появление «альтернативного» грабителя		
<p>1994–1995 г. – введены ограничительные меры, направленные на изъятие налогового дохода «челночной» торговли в РФ, 1994 г. – приняты меры по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции в РФ.</p>	<p>Создаются организованные открытые рынки (базары), китайские поставщики специализируются в их обеспечении. Уменьшается количество непрофессиональных «торговцев». Расчет за товары – наличная валюта, необходимость ее репатриации формирует стимулы для появления «неофициальных грабителей»</p>	<p>«Поставщик», «торговец», «официальный грабитель», «неофициальный грабитель»</p>
(4) 1997–2000 гг.: перенос торговых сетей на российский рынок		
<p>1999 г. – разрешен безвизовый въезд россиян в Хэйхэ.</p>	<p>Происходит качественное развитие торговли через функциональную специализацию бизнес-процессов, в результате которой часть китайских поставщиков («поставщик–2») перемещается на российский рынок (неформальный трансграничного рынка. «Неофициальные грабители» специализируются в легализации деятельности китайских поставщиков, без получения ими формальных разрешений.</p>	<p>«Поставщик–1», «поставщик–2», «торговец», «официальный грабитель», «неофициальный грабитель»</p>
(5) 2001–2005 гг.: институционализация экстралегальных правил ввоза легального товара		
<p>2001–2003 гг. – приняты нормативные акты, ограничивающие «челночную» торговлю, в 2002 г. – принято соглашение о безвизовых групповых туристических поездках, в 2003 г. соглашение между центральными банками РФ и КНР о межбанковских расчетах в национальных валютах</p>	<p>Из-за изменения законодательства, ужесточения формальных правил формируется схема доставки, описанные в пп. 3.2.1. Развивается и закрепляется торговая специализация. Изменяются схемы репатриации выручки, что снижает привлекательность торговцев для «неофициальных грабителей». Появляется «контрабандист», специализирующийся на доставке товара со значительным уменьшением таможенных пошлин.</p>	<p>«Поставщик–1», «поставщик–2», «торговец», «официальный грабитель», «неофициальный грабитель», «контрабандист»</p>
(6) 2006–н.в.: «передел рыночной власти»		
<p>2006 г. – вводятся и постоянно трансформируются ограничения на ввоз товаров для «личного потребления» (по кг, количеству и наименованию товара, количеству пересечений границы), 2007 г. – в РФ принят запрет на торговлю мигрантов на рынках.</p>	<p>И формальная и неформальная власть концентрируется в руках «официального грабителя», по сути их функции объединяются – официальный грабитель извлекает административную ренту в пользу государства и в личную пользу. Деловые сети становятся высоко доминированными, резко снижается их открытость – возможность появления новых игроков.</p>	<p>«Поставщик–1», «поставщик–2», «торговец», «официальный грабитель», «неофициальный грабитель», «контрабандист»</p>

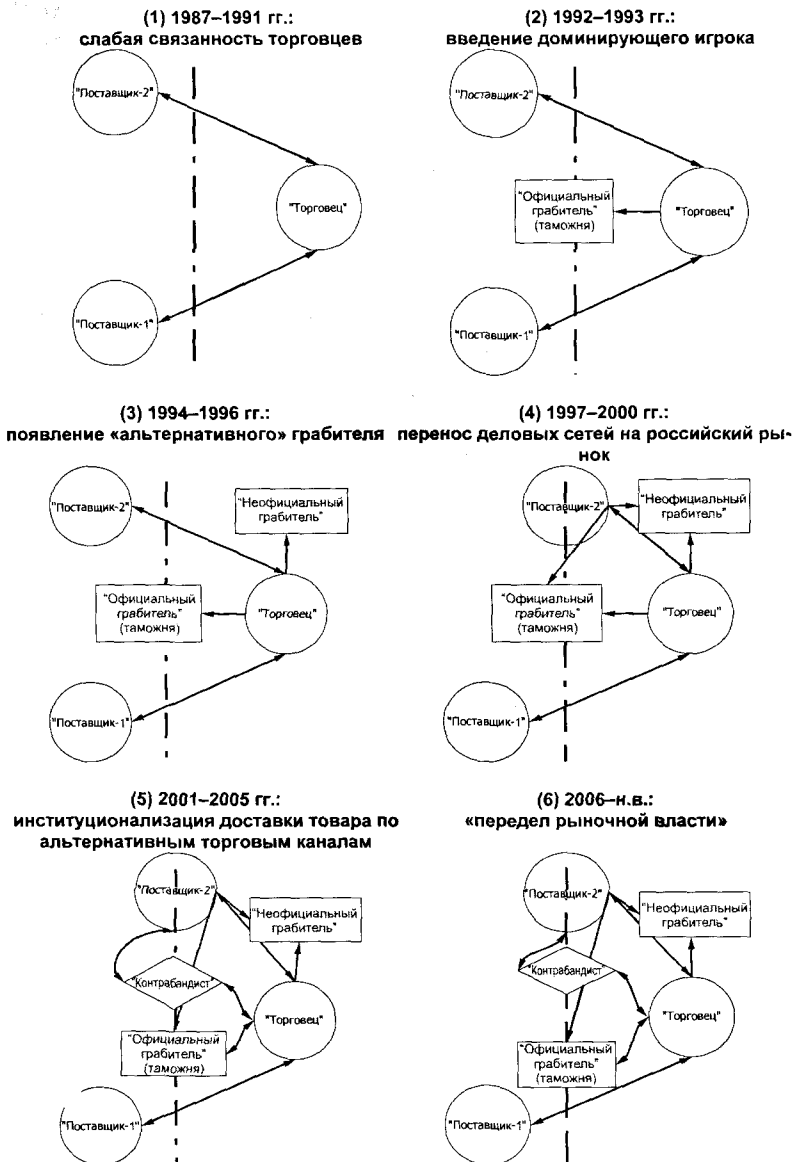

Рис. 2. Динамика деловых сетей, специализирующихся на экстралегальной доставке товаров

Примечание. Двусторонние стрелки показывают эквивалентный обмен, односторонние – неэквивалентный. Направление, в котором указывает стрелка, показывает получателя ресурса. Пунктирная линия отмечает границу.

5. Рассчитаны показатели свойства сети. Проведенные расчеты представлены в таблице 18.

Таблица 18. Трансформация плотности и центральности трансграничной сети в процессе изменения барьеров

Показатель	1987–1991	1992–1993	1994–1996	1997–2000	2001–2005	2006–н.в.
Плотность сети	0,667	0,417	0,300	0,400	0,367	0,400
Стандартизированная степень центральности:						
«Торговец»	1	1	1	0,8	0,571	0,571
«Официальный грабитель»	0	0,333	0,250	0,333	0,286	0,571
«Поставщик–1»	0,5	0,333	0,250	0,200	0,143	0,143
«Поставщик–2»	0,5	0,333	0,250	0,6	0,571	0,571
«Неофициальный грабитель»	0	0	0,250	0,4	0,143	0,143
«Контрабандист»	0	0	0	0	0,286	0,429

Расчеты, выполненные с применением теории графов, показывают, как изменение высоты барьеров входа на рынок влияло на плотность рыночных взаимодействий. Плотность деловой сети в период 1987–1991 гг., в период отсутствия «официального грабителя», составляла 0,667. Появление «официального грабителя» снизило коэффициент плотности почти на 40%. Появление «неофициального грабителя» вновь привело к снижению плотности сети. А перенос китайских поставщиков на российскую часть неформального трансграничного рынка повысил плотность сети, что, в свою очередь, привело к ужесточению барьеров входа и в результате – снижению плотности. Таким образом, в результате последовательных действий (ужесточение барьера входа – подстройка экстралегальных правил – ужесточение барьера – подстройка экстралегальных правил) складывалось «плохое» институциональное равновесие. В связи с этим заметен негативный эффект перераспределения рыночной власти в сторону «официального грабителя», в результате снижается открытость. Действительно, несмотря на изменение в плотности сети, рыночная сила, измеренная центральностью акторов, в 1987–2000 гг. оставалась у торговца, т. е. у основного рыночного актора. В 2001 г. наивысшие уровни центральности были характерны для «торговца» и «поставщика–2», пришедшего на российскую часть неформального трансграничного рынка. Наконец, с 2006 г. степень центральности «официального грабителя» сравнялась со степенью центральности рыночных акторов. В результате последовательности описанных действий, рыночная власть, оказавшаяся в руках у представителя «официального грабителя» оказалось такой же, как у фирмы, функционирующей на рынке. Концентрация рыночной власти в руках у «официального грабителя» влияет на экономическое поведение всех агентов, и служит стимулом для извлечения административной ренты представителем федеральной службы, а также стимулом для уклонения от уплаты ренты в пользу государства. Конечно, не вся административная рента перераспределяется в пользу рентоориентированного чиновника, часть ее идет в установленном порядке на оплату общественных благ. Однако чем большей рыночной властью обладает «официальный грабитель», тем вы-

ше стимулы для извлечения ренты у чиновников и больше ее масштабы.

7. Получены эмпирические свидетельства о существовании неопи- санных в научной литературе неформальных трансграничных экономиче- ских обменов для приграничных рынков, характерные для стран со сла- быми экономическими институтами.

Неформальные трансграничные взаимодействия не ограничиваются не- формальными деловыми сетями, описанными выше. Авторские исследования трансграничного рынка Благовещенск – Хэйхэ с применением социологических методов, а также научные публикации о случаях неформальных трансгранич- ных рынков в странах со слабыми институтами подтверждают распространен- ность различных видов неформальных экономических обменов. Систематиза- ция случаев позволяет заключить, что они существуют благодаря: (I) формаль- но зарегистрированным на территории приграничных регионов фирмам и (II) незарегистрированным, но расположенным на территории фирмам, которые могут избегать формально действующих правил (1) частично или (2) полностью. Сферы их деятельности могут распространяться на обеспечение трансгранич- ных потоков (1) товаров, услуг (2), труда (3) и капитала (4). Таким образом, все- го можно выделить 16 типов экономических обменов в зависимости от перечис- ленных факторов (табл. 19).

Таблица 19. Экономические обмены в рамках неформальной экономической интеграции приграничных рынков (случай Благовещенска–Хэйхэ)

Потоки	I. Формально зарегистрированные фирмы		II. Формально незарегистрированные фирмы	
	I.1. Частично избегающие формального регулирования	I.2. Полностью избегающие формального регулирования	II.1. Частично избегающие формального регулирования	II.2. Полностью избегающие формального регулирования
(1) транс- гранич- ный поток товаров	Экстралегальный ввоз легальных товаров. Занижение таможен- ной стоимости официа- льно импортируемых товаров	Нелегальный ввоз легальных товаров. Ввоз «легального» товара фирмами без уплаты пошлин, под видом дру- гого товара	Экстралегальный ввоз легального товара. «Легаль- ные» товары, ввезенные по туристским каналам для коммерческой торговли	Нелегальный ввоз не- легального товара. Наркотики, оружие, продукты флоры и фауны, запрещенные к ввозу/вывозу
(2) транс- гранич- ный поток услуг	Экстралегальное пред- ставление легаль- ных услуг. Услуги общ- ственного пита- ния, представляе- мые с нарушением налогового законо- дательства	Нелегальное предостав- ление легальных услуг. Зарегистрированная в Китае фирма, предост- авляющая строитель- ные услуги без учета в РФ импорта строи- тельных услуг	Экстралегальное предост- авление легальных ус- луг. Услуги общественного питания, ориентированные на узкого потребителя, торговцев рынка	Нелегальное предостав- ление нелегальных услуг. Услуги по пере- водам средств, выру- ченных в рамках при- граничной торговли («летучие банки»)
(3) транс- гранич- ный поток труда	Экстралегальный труд зарегистрированных агентов. Оформление контрактов трудо- вых мигрантов без нарушений, но с уп- латой взятки	Нелегальный труд заре- гистрированных агентов. Использование труда нелегально завезенных трудовых мигрантов (по туристическим ви- зам)	Экстралегальный труд неза- регистрированных агентов. Использование труда лег- ально ввезенных трудовых мигрантов для работы во внеурочное время, без уп- латы вознаграждения	Нелегальный труд неза- регистрированных агентов. Полностью недokumentированный ввоз иностранной ра- бочей силы для работы в «подпольных цехах»
(4) транс- гранич- ный поток капиталов	Экстралегальные ин- вестиции зарегистри- рованных агентов. Частичное избежание уплаты налогов при привлечении (разме- щении) инвестиций	Нелегальные инвестиции зарегистрированных агентов. Оформление документов на «под- ставных» лиц, без реги- страции происхождения капитала	Экстралегальные инвисти- ции незарегистрированных агентов. Услуги по банков- скому переводу средств через посредника, предна- значенных для дальнейшего инвестирования	Нелегальные инвести- ции незарегистриро- ванных агентов. «От- мывание денег», оформление докумен- тов на «подставных» лиц

Примечание: тип неформального обмена систематизирован на основании общения случаев; примеры обменов – в таблице курсивом – выделены на основании изучения случая Благовещенск–Хэйхэ.

Сопоставление изучаемого случая с описанными в научной литературе позволяет приблизиться к пониманию того, как создаются и функционируют неформальные институты трансграничных рынков.

Заключение. Общая логика полученных результатов сводится к следующему. Экономика России в 2000-х гг. развивалась по центростремительному варианту, при этом происходило постепенное повышение барьеров на пути трансграничных экономических потоков, в результате страна получала минимальные эффекты от международной интеграции – по крайней мере, не имела ожидаемых пространственных эффектов. Несмотря на ограничение открытости и из-за усиливающихся тенденций к централизации, с рядом стран, в том числе с Китаем углублялись процессы неформальной экономической интеграции с параллельной активностью ведущего игрока. Фирмы приграничных регионов, расположенные ближе к международным интеграционным центрам, имеют географические преимущества участия в интеграционных международных процессах; не имея возможности воспользоваться преимуществами в формальном секторе, они пользуются ими через неформальные каналы. В результате рынки приграничных регионов оказываются более интегрированными, чем национальные рынки – об этом свидетельствуют оценки эффекта границ. В целом оказывается, что уровень распространения неформальных трансграничных экономических обменов в приграничных регионах выше. Существует положительная обратная связь между централизацией, неформальными трансграничными экономическими обменами и административной рентой: расширение трансграничных экономических обменов стимулирует введение новых ограничений и барьеров, что стимулирует изъятие административной ренты, а рост масштабов административной ренты выступает стимулом для увеличения масштабов неформальных трансграничных обменов.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторская монография

1. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. акад. РАН Минакир П.А.; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с. (14,8 п.л.).

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

2. Рыжова Н.П. Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. №1. С.72–88 (0,9 п.л.).

3. Рыжова Н.П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 28–48 (1,25 п.л.).

4. Рыжова Н.П., Ступникова А.В. «Моральная экономика выживания» в селах Амурской области: влияние трансграничной экономической миграции // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. №2.2. С.30–43 (1 п.л. / авторских - 0,5 п.л.).

5. Рыжова Н.П. Инвестиционная компонента модели корпоративной интеграции Китая и России // *Пространственная экономика*. 2011. №3. С.24–39 (1,1 п.л.).
6. Рыжова Н. Последствия реформ внешнеэкономической деятельности для приграничных регионов России: политэкономический анализ // *Вопросы экономики*. 2011. №12. С.118–138 (1,62 п.л.).
7. Рыжова Н.П. Кустарная золотодобыча в России и Китае // *Известия Алтайского университета*. 2011. №2/1 (70), С.313–318 (0,75 п.л.).
8. Рыжова Н. Влияние приграничной торговли на экономическое развитие Китая и России // *Вопросы экономики*. 2009. №6. С.137–150 (1,0 п.л.).
9. Рыжова Н.П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. №4. С.59–74 (1,2 п.л.).
10. Рыжова Н.П. Развитие окраинных регионов КНР: роль приграничного пояса открытости // *Пространственная экономика*. 2008. №4. С.5–22 (1,54 п.л.).
11. Рыжова Н.П. «Политика открытых дверей» в приграничных регионах КНР // *Полития. Журнал политической философии и социологии политики* 2008. №4. С.95–104 (0,6 п.л.).
12. Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // *Вестник Волгоградского университета*, 2008. Серия 4. №14. С.107–114 (0,7 п.л.).
13. Рыжова Н.П. Благовещенск. В поисках «чайнатауна» // *Этнографическое обозрение*, 2008. №4. С.17–31 (1,19 п.л.).
14. Рыжова Н.П., Симутина Н.Л. Российско-китайская граница: отчужденная – сосуществующая – взаимозависимая? // *Полития. Журнал политической философии и социологии политики*, 2007. № 3. С. 100–114 (0,92 п.л. / авторских - 0,46 п.л.).
15. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ// *Вестник ДВО РАН*. 2007. №5. С.130–144 (1,4 п.л. / авторских - 0,7 п.л.).
16. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков»// *Экономическая социология*. 2003. Т.4 (№5). С. 54–71 (1,57 п.л.).

Статьи в зарубежных журналах, включенных в международные системы цитирования Web of Science, Scopus:

17. Ryzhova N., Ioffe G. A Tale of two Cities: Trans-Border Exchange between Blagoveshchensk, Russia, and Heihe, China // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. Vol.2. P.348–364 (1,38 п.л. / авторских - 0,69 п.л.).
18. Ryzhova N. Informal economy of translocations. The case of the twin city of Blagoveshchensk-Heihe // *Inner Asia*. 2008. Vol.10. №2. P.323-351 (2,1 п.л.).

Главы в коллективных монографиях, в том числе под редакцией соискателя:

19. Интеграция экономических мигрантов в регионах России: формальные и неформальные практики / коллект. монография под ред. Рыжовой Н.П., Иркутск: Оттиск, 2009. [Рыжова Н.: С. 7–16, 18–36, 112–119, 136–169, 222–243, 253–255] (10,2 п.л. / авторских - 4,45 п.л.).
20. Ryzhova N. Will the “Tragedy of Accessibility” Occur? The Case of the Amur as a Cross-Border Zone of Illegality // *Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian,*

Chinese and Mongolian Border/ Monograph ed. by F. Bille, Gr. Delaplace and C. Humphrey. Monograph. Cambridge: Open Book Publisher, 2012. P. 89–110 (1,47 п.л.).

21. Рыжова Н. Власть, бизнес и китайские мигранты: механизмы извлечения административной ренты (случай сельского хозяйства Амурской области) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков/ Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: «Оттиск», 2012. С.270–293 (1,1 п.л.).

22. Рыжова Н. Природные ресурсы российского Дальнего Востока: институциональные изменения и экстралегальные практики // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв./ монография. под ред. В.И. Дятлова. Иркутск: Оттиск, 2010. С.282–312 (1,8 п.л.).

23. Рыжова Н.П. Роль посредников в адаптации экономических трансмигрантов // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации/ коллект. монография под ред. В.И. Дятлова. Москва, 2009. С.202–248 (2,6 п.л.).

24. Рыжова Н.П. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов (на примере Благовещенска и Хэйхэ); Бизнес-посредничество в процессе адаптации (на примере трансграничного рынка Благовещенск — Хэйхэ) // От эмиграции к адаптации: трансграничная миграция в России в региональном измерении / коллект. моногр. под ред. С.В. Голунова. Москва: Издательство «Логос», 2008. С.184–199 (1,4 п.л.).

25. Рыжова Н.П. Благовещенск – форпост российской империи или зона свободной экономики? // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе/ Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. С.202–225 (1,4 п.л.).

Прочие публикации:

26. Ryzhova N. Extra-legal Practices of Natural Resource Management in the Russian Far East // Eurasia Twenty Years After. Ed. A.Sengupta, S.Chatterjee, S.Bhattacharya. SHIPRA: MAKAIAS, India, Kolkata, 2012. P.464–485 (0,8 п.л.).

27. Рыжова Н.П. Неформальная модель экономической интеграции. Случай России и Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2011. №3. С.20–29 (0,77 п.л.).

28. Ryzhova N. Informal Cross-border Exchanges as a Reaction on Institutional Transition (Russian-Chinese Border Case) // Communities, Institutions and 'Transition' in Post-1991 Eurasia. Ed. by S. Chatterjee and A. Sengupta. India: Kolkata, MAKAIAS, 2011. P.203–217 (0,9 п.л.).

29. Рыжова Н.П. Взаимная торговля и интеграция России и Китая: пространство и институты // Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов (Тихоокеанская Россия – 2050): мат. междуна. научн.-практ. конф-ии (18–19 ноября, 2010 г. ; г. Хабаровск): сборник статей/ Росс. акад. наук, Ин-т экон. иссл. Хабаровск, 2011. Деп. в ИНИОН РАН № 60994 от 28.07.2011. С.489–495 (0,3 п.л.).

30. Рыжова Н.П. Приграничные регионы и города – забытые периферии или точки экономического роста? // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. научн. статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С.80–91 (0,62 п.л.).

31. Ryzhova N. Social and Economic development of borderline Russian and Chinese regions // Land cover and Land Use Change in North East Asia: Problems of Sustainable Na-

- ture Management. Proceeding of the International Scientific Conference, September 6-12, 2009. Vladivostok, Dalnauka, 2009. P.127–132 (0,5 п.л.).
32. Рыжова Н.П. Приграничная торговля Китая как предпосылка для валютных интеграционных процессов в АТР // 60 лет КНР. 60-ие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949-2009). Тезисы докладов XVIII Междун. научн. конф-ии «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2009. Ч.2. С 252–256 (0,2 п.л.).
33. Рыжова Н.П. Региональная миграционная политика в Амурской области // Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика/ под ред. А.В. Косса, Л.Л. Емельяновой. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2009. С.11–36 (1,2 п.л.).
34. Рыжова Н.П. «Приграничный пояс открытости» СВ КНР как фактор внешней среды развития Амурской области // Внешнеэкономическая деятельность Амурской области. Развитие. Проблемы. Перспективы: Материалы региональн. науч.-практич. конферен. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С.128–131 (0,2 п.л.).
35. Рыжова Н.П. Влияние трансграничных институтов на развитие розничной торговли г.Благовещенска // Организационные формы и конкурентные стратегии в российской розничной торговле (региональный аспект)/ под ред. В.В.Радаева, З.В.Котельниковой. М: Высшая школа экономики, 2008. С.133–179 (3,33 п.л.).
36. Рыжова Н.П. Останется ли социально-экономический симбиоз в Благовещенске конъюнктурной суетой? // Диаспоры, 2006. №1. С.80–120 (1,9 п.л.).
37. Рыжова Н.П. Экономические взаимодействия на российско-китайской границе: подходы к исследованию // Проблемы устойчивого использования трансграничных территорий: Материалы международной конференции/ Под ред. П.Я.Бакланова, С.С. Ганзее. Влад-к: Изд-во ТИГ ДВО РАН, 2006. С.63–67 (0,3 п.л.).
38. Рыжова Н.П. Трансграничное экономическое пространство - основа формирования конкурентных преимуществ Амурской области// Региональное законодательство: опыт, проблемы, перспективы. Материалы науч.-практ. конференции Амурского областного Совета народных депутатов. Благовещенск, 2004. С.201–204 (0,2 п.л.).
39. Рыжова Н.П. Трансграничный народный рынок в Благовещенске/Хэйхэ (Trans-frontier labor market in Blagoveshnsk/Heihe) // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. матер. междунар. исследовательского семинара. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С.153–169. (in English, P. 361–376) (1,0 п.л.)
40. Рыжова Н.П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза// Диаспоры. 2003. №2. С.88–126 (2,3 п.л.).
41. Рыжова Н.П. Формы и механизмы неформальной российской экономики (на примере Амурской области) // Вестник Амурского гос.унив-та. Благовещенск: АмГУ, 2003. Вып. 21. С.58–61 (0,4 п.л.).
42. Рыжова Н.П., Мануйлова М.В. Особенности планирования внешнеэкономической деятельности предприятия // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Сборник трудов научн.конф, Благовещенск, 2000. С. 280–285 (0,26 п.л. / авторских - 0,13).